

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
**«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Институт международного образования и языковой коммуникации
Специальность 45.05.01 «Перевод и переводоведение»
Кафедра иностранных языков

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

Тема работы
МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОЙ ОБЛАСТИ «ПРИРОДНАЯ КАТАСТРОФА» В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 811.161.1'373.612.2'42:504+811.111'373.612.2'42:504+811.581'373.612.2'42:504

Студент

Группа	ФИО	Подпись	Дата
12410	Каменева А.С.		1.06.2016

Руководитель

Должность	ФИО	Ученая степень, звание	Подпись	Дата
Доцент кафедры ИЯ	Комиссарова О.В.	Канд. филол. наук		1.06.2016

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ:

Зав. кафедрой	ФИО	Ученая степень, звание	Подпись	Дата
ИЯ ИМОЯК	Александров О.А.	Канд. филол. наук		1.06.2016

ЗАПЛАНИРОВАННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБУЧЕНИЯ ПО ООП

Код результата	Результат обучения (выпускник должен быть готов)
<i>Профессиональные компетенции</i>	
P1	Способен к организации профессиональной деятельности в области перевода, межкультурной и технической коммуникации (руководствуясь принципами профессиональной этики и служебного этикета), самостоятельной оценке ее результатов и профессиональной адаптации в меняющихся производственных условиях, соблюдая требования правовых актов в области защиты государственной тайны и информационной безопасности, принятых требований метрологии и стандартизации, а также владея основными методами защиты производственного персонала и населения от возможных последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий.
P2	Способен применять знание двух иностранных языков для решения профессиональных задач, оперируя знаниями в области географии, истории, политической, экономической, социальной и культурной жизни страны изучаемого языка, а также знаниями о роли страны изучаемого языка в региональных и глобальных политических процессах.
P3	Способен проводить лингвистический анализ дискурса на основе системных лингвистических знаний, распознавая лингвистические маркеры социальных отношений и речевой характеристики человека в ходе слухового или зрительного восприятия аутентичной речи независимо от особенностей произношения и канала передачи информации и т.п.
P4	Способен владеть устойчивыми навыками порождения речи (устной и письменной) на рабочих языках с учетом их фонетической организации, темпа, нормы, узуса и стиля языка, лингвистических маркеров социальных отношений, а также адекватно применять правила построения текстов на рабочих языках.
P5	Способен качественно осуществлять письменный перевод (включая предпереводческий анализ текста), а также послепереводческое саморедактирование и контрольное редактирование текста перевода.
P6	Способен обеспечивать качественный устный перевод с использованием переводческой записи путем быстрого переключения с одного рабочего языка на другой.
P7	Способен применять основные методы, способы и средства получения, хранения, обработки информации, использовать компьютер как средство редактирования текстов на русском и иностранном языке, а также как средство дизайна и управления информацией, в том числе в глобальных компьютерных сетях с учетом требования информационной безопасности.
P8	Способен работать с материалами различных источников: находить, анализировать, систематизировать, интерпретировать информацию, обосновывать выводы, прогнозировать развитие ситуации и составлять аналитический отчет.
P9	Способен осуществлять поиск, анализировать и использовать

	теоретические положения современных исследований в области лингвистики, межкультурной коммуникации и переводоведения, а также выявлять причины дискоммуникации в конкретных ситуациях межкультурного взаимодействия
P10	Способен владеть методологией и методикой научных исследований, используя в профессиональной деятельности понятийный аппарат философии и методологии науки, для проведения научных исследований, а также при осуществлении лингвопереводческого и лингвокультурологического анализа текста, учитывая основные параметры и тенденции социального, политического, экономического и культурного развития стран изучаемых языков.
<i>Общекультурные компетенции</i>	
P11	Способен осуществлять различные формы межкультурного взаимодействия в целях обеспечения сотрудничества при решении профессиональных задач в соответствии с Конституцией РФ, руководствуясь принципами морально-нравственных и правовых норм, законности, патриотизма, профессиональной этики и служебного этикета.
P12	Способен анализировать социально значимые явления и процессы, в том числе политического и экономического характера, их движущие силы и исторические закономерности, мировоззренческие и философские проблемы, применять основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук, а также основы техники и технологий при решении профессиональных задач.
P13	Способен к работе в многонациональном коллективе, к кооперации с коллегами, в том числе и при выполнении междисциплинарных, инновационных проектов, способен в качестве руководителя подразделения, лидера группы сотрудников формировать цели команды, принимать организационно-управленческие решения в ситуациях риска и нести за них ответственность, владеть методами конструктивного разрешения конфликтных ситуаций.
P14	Способен логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь на русском языке, анализировать, критически осмысливать, готовить и редактировать тексты профессионального назначения, включая документы технической коммуникации, публично представлять собственные и известные научные результаты, вести дискуссии и участвовать в полемике.
P15	Способен к осуществлению образовательной и воспитательной деятельности, а также к самостоятельному обучению с применением методов и средств познания, обучения и самоконтроля для приобретения новых знаний и умений, для развития социальных и профессиональных компетенций, для изменения вида и характера своей профессиональной деятельности, а также повышения адаптационных резервов организма и укрепления здоровья.

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
**«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Институт международного образования и языковой коммуникации
Направление подготовки (специальность) 45.05.01 «Перевод и переводоведение»
Кафедра иностраннных языков

УТВЕРЖДАЮ:
Зав. кафедрой ИЯ

(Подпись) (Дата) О.А. Александров
(Ф.И.О.)

ЗАДАНИЕ
на выполнение выпускной квалификационной работы

В форме:

дипломной работы

Студенту:

Группа	ФИО
12410	Каменевой Анастасии Сергеевне

Тема работы:

Метафорическое моделирование понятийной области «Природная катастрофа» в экологическом дискурсе

Утверждена приказом директора (дата, номер)

от 31.05.2016 г. № 4116/с

Срок сдачи студентом выполненной работы:

1 июня 2016 г.

ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ:

Исходные данные к работе

(наименование объекта исследования или проектирования; производительность или нагрузка; режим работы (непрерывный, периодический, циклический и т. д.); вид сырья или материал изделия; требования к продукту, изделию или процессу; особые требования к особенностям функционирования (эксплуатации) объекта или изделия в плане безопасности эксплуатации, влияния на окружающую среду, энергозатратам; экономический анализ и т. д.).

Объект исследования – метафорические номинации, функционирующие в экологическом дискурсе

Предмет исследования – метафорическое моделирование понятийной области «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

Материалом исследования послужили метафорические номинации русского и китайского языков, репрезентирующие понятийную область «Природная катастрофа».

В работе используются следующие методы и

	приемы: научного описания, сопоставительного анализа, структурного и лингвокогнитивного анализа, моделирования, прием сплошной выборки.
<p>Перечень подлежащих исследованию, проектированию и разработке вопросов</p> <p><i>(аналитический обзор по литературным источникам с целью выяснения достижений мировой науки техники в рассматриваемой области; постановка задачи исследования, проектирования, конструирования; содержание процедуры исследования, проектирования, конструирования; обсуждение результатов выполненной работы; наименование дополнительных разделов, подлежащих разработке; заключение по работе).</i></p>	<ol style="list-style-type: none"> 1) Аналитический обзор научной литературы по теории метафоры и подходов к ее изучению; 2) Изучение понятия дискурса, определение экологического дискурса; 3) Сбор корпуса текстов в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе 4) Выделение системы метафорических номинаций в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе 5) Выделение метафорических моделей, используемых для обозначения понятийной области «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе 6) Проведение сравнительно-сопоставительного анализа метафорических моделей в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе
<p>Перечень графического материала</p> <p><i>(с точным указанием обязательных чертежей)</i></p>	нет
<p>Консультанты по разделам выпускной квалификационной работы</p> <p><i>(если необходимо, с указанием разделов)</i></p>	
Раздел	Консультант

Дата выдачи задания на выполнение выпускной квалификационной работы по линейному графику	31.05.2016 г.
---	---------------

Задание выдал руководитель:

Должность	ФИО	Ученая степень, звание	Подпись	Дата
Доцент кафедры ИЯ	Комиссарова О.В.	к.ф.н., доцент		31.05.2016

Задание принял к исполнению студент:

Группа	ФИО	Подпись	Дата
12410	Каменева Анастасия Сергеевна		31.05.2016

Реферат

Выпускная квалификационная работа 94 с., 2 главы, 52 источника.

Ключевые слова: концептуальная метафора, сфера-мишень, сфера-источник, лингвокогнитивный подход, метафорическая модель, экологический дискурс.

Объектом исследования являются метафорические номинации, функционирующие в экологическом дискурсе. Предмет: метафорическое моделирование понятийной области «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

Цель работы – выявление метафорических моделей, используемых для обозначения понятийной области «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

В процессе исследования были рассмотрены подходы к изучению метафоры; изучено понятие дискурса, определен экологический дискурс; собран корпус текстов в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе; выделена система метафорических номинаций в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе; выделены метафорические модели, используемые для обозначения понятийной области «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе; проведен сравнительно-сопоставительный анализ метафорических моделей в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

В результате исследования выявлены метафорические модели, репрезентирующие понятийную область «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе; сделан сравнительно-сопоставительный анализ данных метафорических моделей понятийной области «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

Степень внедрения/апробация работы: Результаты данного исследования обсуждались на X Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию факультета иностранных языков «Иностранный язык и межкультурная коммуникация» (Томск, 2016). По теме дипломной работы опубликовано две статьи: «Метафорические модели, репрезентирующие природные катастрофы в китайском экологическом дискурсе» и «Метафорические модели, репрезентирующие природную катастрофу в русском экологическом дискурсе».

Область применения: языкознание, когнитивная лингвистика, дискурс-анализ.

В будущем планируется исследовать метафорическое моделирование понятийной области «Природная катастрофа» в экологическом дискурсе на материале английского языка.

Abstract

Graduation thesis: 94 pg., 2 chapters, 52 resources.

Keywords: conceptual metaphor, target domain, source domain, linguo-cognitive approach, metaphoric model, ecological discourse.

Object of research: metaphoric nominations operating in the ecological discourse. Subject of research: metaphoric modeling of the conceptual field “natural catastrophe” in the Russian-language and Chinese-language ecological discourse.

Purpose of research: revealing metaphoric models used to describe the conceptual field “natural catastrophe” in the Russian-language and Chinese-language ecological discourse.

In the process of research approaches to the study of metaphors were considered; the concept of discourse was researched, the ecological discourse was determine; a corpus of texts in the Russian-language and Chinese-language ecological discourse was collected; the system of metaphoric nominations in Russian-language and Chinese-language ecological discourse was allocated; the metaphorical models used to describe the conceptual field “natural catastrophe” in the Russian-language and Chinese-language ecological discourse were separated out; the comparative analysis of metaphorical models in the Russian-language and Chinese-language ecological discourse was realized.

Results of research: the metaphorical models used to describe the conceptual field “natural catastrophe” in the Russian-language and Chinese-language ecological discourse has been revealed; the comparative analysis of these models used to describe the conceptual field “natural catastrophe” in the Russian-language and Chinese-language ecological discourse has been revealed.

Degree of implementation/ work approbation: The results of this research were discussed at the X International research and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the Faculty of Foreign Languages “The foreign language and Intercultural communication” (Tomsk, 2016). On the topic of the thesis two articles were published: “Metaphorical models which represent natural catastrophe in the Chinese ecological discourse” and “Metaphoric models which represent natural catastrophe in the Russian ecological discourse”.

Field of application: linguistics, cognitive linguistics, discourse analysis.

In the future it is planned to research the metaphorical modeling of the conceptual field “natural catastrophe” in the English-language ecological discourse.

Оглавление

Введение.....	9
1. Метафора как лингвокогнитивное явление.....	13
1.1. Структурно – семантический подход.....	15
1.2. Когнитивный подход.....	20
1.3. Лингвокогнитивный подход.....	23
1.4. Когнитивно - дискурсивный подход	25
1.4.1. Дискурс, его типология.	28
1.4.2. Экологический дискурс	32
1.4.3. Структура экологического дискурса.....	38
Выводы по первой главе.....	44
2. Метафорическое моделирование понятийной области «Природная катастрофа».....	45
2.1. Метафорическое моделирование понятийной области «Природная катастрофа» в русскоязычном экологическом дискурсе	48
2.1.1. Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо»	49
2.1.2. Метафорическая модель «Природная катастрофа – война».....	53
2.2. Метафорическое моделирование понятийной области «Природная катастрофа» в китайскоязычном экологическом дискурсе	61
2.2.1. Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо»	62
2.2.2. Метафорическая модель «Природная катастрофа - война».....	68
2.3. Сравнительно-сопоставительный анализ метафорических моделей, репрезентирующих природные катастрофы в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе	75
Выводы по второй главе.....	84
Заключение	85
Список публикаций.....	89
Список использованных источников	90
Диск.....	на обороте обложки

Введение

Данная дипломная работа посвящена метафорическим моделям, репрезентирующим понятийную область «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

Актуальность исследования. В настоящее время экология и защита окружающей среды становятся все более значимой составляющей жизни современного человеческого общества, экологическая тематика все больше становится частью коммуникативной деятельности человека и оказывает свое влияние на нее. На сегодняшний день лингвистические исследования, посвященные экологической тематике, не систематизированы. Актуальность данной дипломной работы обусловлена интересом современного языкознания к взаимосвязи языка и мышления, отражению специфики национального менталитета носителей различных языков, в том числе потребностью в изучении метафорических моделей, функционирующих в экологическом дискурсе.

Объект исследования: метафорические номинации, функционирующие в экологическом дискурсе.

Предмет исследования: метафорическое моделирование понятийной области «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

Целью данной работы является выявление метафорических моделей, используемых для обозначения понятийной области «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие поставленные **задачи:**

- 1) Рассмотреть подходы к изучению метафоры
- 2) Изучить понятие дискурса, определить экологический дискурс

- 3) Собрать корпус текстов в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе
- 4) Выделить систему метафорических номинаций в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе
- 5) Выделить метафорические модели, используемые для обозначения понятийной области «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе
- 6) Провести сравнительно-сопоставительный анализ метафорических моделей в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе

Материалом для исследования послужили метафорические единицы русского языка в количестве 75 единиц и метафорические единицы китайского языка в количестве 52 единиц, извлеченные приемом сплошной выборки из научных статей экологической направленности (40 статей русского языка и 20 статей китайского языка, общий объем составил около 50 тысяч знаков каждого языка).

Теоретическая база по теории метафоры представлена работами Н.Д.Арутюновой, В.Г.Гака, Г.Н.Скляревской, В.Н.Телия, А.П.Чудинова, Е.С.Кубряковой, Дж.Лакоффа, М.Джонсона, З.И.Резановой, В.З.Демьянкова, Н.А.Мишанкиной; по теории дискурса – В.Гумбольдта, М.В.Йоргенсона, Т.А. ван Дейка, М. Фуко, В.И. Карасика, М.Л.Макаровой, В.Е.Чернявской, Е.В.Ивановой.

Методы и приемы: контекстуальный анализ, лингвокогнитивный метод, количественный метод, сравнительно-сопоставительный метод, прием сплошной выборки.

Научная новизна исследования.

- Впервые проведен сопоставительный анализ метафорических моделей, репрезентирующих понятийную область «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

- Впервые выявлены особенности метафорического моделирования понятийной области «природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом данного исследования в развитие изучения теории метафоры, в динамично развивающуюся когнитивную лингвистику, так как рассматривает процесс метафорического моделирования понятийной области «природная катастрофа» посредством выявления метафорических моделей в экологическом дискурсе.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть применены в учебно-педагогической практике, при разработке и чтении теоретических курсов гуманитарного профиля: когнитивная лингвистика, дискурс-анализ, метафорическое моделирование в вузовских спецкурсах и спецсеминарах.

Структура работы. Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются цели, задачи, излагаются методы исследования.

В первой главе рассматривается теоретическая часть исследуемого вопроса, а именно рассматриваются структурно-семантический подход к изучению метафоры, когнитивный и лингвокогнитивный подходы, в рамках когнитивно-дискурсивного подхода рассмотрена теория дискурса, его типология, а также описан экологический дискурс.

Во второй главе представлена практическая часть исследования, где анализируются основные репрезентации метафорических моделей в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе, а также приводится сравнительно-сопоставительный анализ выявленных моделей.

После каждой главы приведены краткие выводы.

В заключении делаются основные выводы по работе.

Список использованной литературы включает 000 источника.

Реализация и апробация работы. Результаты данного исследования обсуждались на X Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию факультета иностранных языков «Иностранный язык и межкультурная коммуникация» (Томск, 2016). По теме дипломной работы опубликовано две статьи: «Метафорические модели, репрезентирующие природные катастрофы в китайском экологическом дискурсе» и «Метафорические модели, репрезентирующие природную катастрофу в русском экологическом дискурсе».

1. Метафора как лингвокогнитивное явление

Метафора – это многоплановое явление, оно пронизывает всю нашу повседневную жизнь. Как объект изучения метафора была выделена еще в античные времена, она изучалась и осмыслялась исследователями различных гуманитарных наук (психологии, риторики, литературоведении, лингвистики), но особое внимание уделялось метафоре в языкознании. Метафора трактуется по-разному в стилистике, лексикологии и когнитивной науке.

Первым, кто рассмотрел метафору как средство выразительности, был Аристотель. Древнегреческий мыслитель определил метафору как «перенос имени с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [1, с. 189]. Таким образом, уже Аристотель указывает на лежащий в основе метафоризации механизм аналогии. В основном метафора представлялась в качестве отклонения от нормы - переноса имени одного предмета на другой. Целью этого переноса служило или заполнение лексической лакуны (номинативная функция), или «украшение» речи, убеждение (главная цель риторической речи).

Позднее метафора трактовалась как троп, используя который, речь становилась более выразительной. Метафора воспринималась как способ украшения речи, как образное средство языка.

В конце XIX – начале XX вв. все чаще и чаще метафору стали воспринимать как важнейший мыслительный механизм, на первый план анализа выходит семиотическая природа метафоры. Лексико-семантический подход позволил обратиться к метафоре как к общеязыковому механизму, были выявлены огромные пласты языковой метафоры, выполняющей номинативную функцию. В рамках лексико-семантического взгляда на феномен метафоры отличительной особенностью является то, что ученые (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Ю. И. Левин, Г. Н. Складарская, В. Н. Телия и др.) понимают метафору в качестве единицы языка-системы, которая обладает жесткой организацией и

которая характеризуется наличием определенных типов связей между ее единицами. В рамках этого направления метафора изучается с точки зрения теории регулярной многозначности (Н. В. Багичев, Ю. Д. Апресян, А. П. Чудинов, Д. Н. Шмелев, И. А. Стернин, и др.). Характерными особенностями метафоры, как семантического явления, являются регулярность (повторяемость), типичность, закономерность связей, присутствующая в лексико-семантических вариантах одного и того же слова. Структурно-семантические исследования направлены на языковой аспект метафоры.

Существенным недостатком лексико-семантического подхода стала невозможность дать ответ на вопрос о том, каков механизм метафорического переноса. Ряд исследователей пытались выявить типологию метафорических моделей (В.Г. Гак, А.Н. Шрамм, Г.Н. Склярская, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова) и механизм метафоризации. Однако, невзирая на «высокую результативность в выявлении и описании моделей регулярной многозначности, метод компонентного анализа оказался недостаточно эффективным для описания механизма метафоризации» [2, с. 111]. Следовательно, для того, чтобы перейти к анализу процесса метафоризации, описания типов метафор было необходимо выработать новый подход. Таким подходом становится когнитивный подход, на современном этапе исследования сочетающийся с дискурсивным. В настоящее время изучение метафоры возведено в ранг науки метафорологии и лингвометафорологии как ее раздела [3].

Изучение метафоры как *когнитивного явления* (Э. МакКормак, Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Х. Ортега-и-Гассет, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.) связано с тем, что проблема связи языка и мышления является актуальной проблемой в когнитивной лингвистике. Метафора принадлежит не только языку, но и сознанию, пониманию, мышлению, поэтому она рассматривается неразрывно с процессами мышления, предоставляя к ним доступ, при изучении метафоры в когнитивном аспекте раскрываются миромоделирующие свойства метафоры, а также выявляются дополнительные аналоговые возможности восприятия человеческим сознанием действительности. В связи с тем, что в

рамках когнитивного подхода метафора рассматривается в первую очередь как механизм сознания, а ее языковое воплощение уходит в тень, к рассмотрению метафоры нужно применять интегрированный подход. Таким подходом является лингвокогнитивный, в котором метафора рассматривается как лингвокогнитивное явление, то есть способ непрямого отражения мира в сознании, выраженный в языке в системах образных номинаций, как результат когнитивной операции, воплощенной в структурах языка.

Для наиболее полного представления метафорического фрагмента экологического дискурса в настоящем исследовании нами был применен синтез семантического анализа и когнитивного моделирования. Поскольку значимыми для данной дипломной работы являются структурно – семантический и когнитивный подходы, представим каждый из них более подробно.

1.1. Структурно – семантический подход

В рамках структурно-семантического направления метафора рассматривается с точки зрения теории регулярной многозначности (И. А. Стернин, Н. В. Багичев, Ю. Д. Апресян, Д. Н. Шмелев, А. П. Чудинов, и др.). Данная теория «ориентирована на исследование системности вторичных значений у семантически близких слов, а также типов и специфики функционирования моделей, по которым создаются параллельные вторичные значения» [4, с. 125].

По мнению таких исследователей, как Ю. Д. Апресян, Г. Н. Складаревская, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. Г. Гак, и др. метафора определяется, как одна из единиц лексической подсистемы языка. Метафора изучается в связи с проблемами границ лексического значения, проблемами полисемии, интерпретируется в качестве одного из типов вторичного, производного значения. Характерными особенностями метафоры, как семантического явления, являются регулярность (повторяемость), типичность, закономерность

связей, присутствующая в лексико-семантических вариантах одного и того же слова.

В рамках данного подхода лингвисты обсуждают вопросы, связанные с типологизацией метафоры и ее структурой, описывают механизмы метафоризации.

В рамках структурно-семантического анализа в значении слова выявляются семантические компоненты. Совокупность отдельных значений слова и его лексико-семантических вариантов составляет семантическую структуру многозначного слова. Каждый лексико-семантический вариант иерархически организован совокупностью сем, среди этих сем могут быть выделены потенциальные, интегральные (архисемы) и дифференциальные семы. Потенциальные семы являются важными для формирования переносных значений слов, так как дифференциальная сема и архисема при переносе отходят на второй план, потенциальные семы наоборот актуализируются и получают статус дифференциальных [5, с. 151 – 152]. В своей работе В.Г. Гак иллюстрирует это примером лексемы «лиса» (В исходном значении лексемы «лиса» можно увидеть потенциальную сему «хитрость», данная сема отражает некоторый признак животного, который ему приписывает человек. В производном значении сема «хитрость» становится дифференциальной, тем самым определяя семантику лексического значения в целом и его денотат. Вторичное значение лексемы «лиса», зафиксированное в толковом словаре русского языка: *лиса* – «о хитром, льстивом человеке»).

По наблюдениям исследователей структурно-семантическое описание метафоры главным образом сосредоточено на лексическо-семантической интерпретации метафоризации и производится при помощи строгих методов. Эти методы позволяют устанавливать компоненты, которые входят в семантическую структуру метафоры.

При анализе структуры метафоры выделяется от трех до четырех компонентов. В работах В. Г. Гак представляется структура метафоры из трех компонентов, он приводит такие термины, как, «исходное слово»,

«результатирующее слово» и «промежуточное понятие, общее для исходного и результирующего» [5]. Г. Н. Скляревская в свою очередь приводит три составляющие: исходное значение, метафорическое значение и символ, под которым понимает «потенциальную сему исходного значения, преобразованную в дифференциальную сему метафоры», т.е. связующий компонент семантики между метафорическим и исходным значениями [6]. В структуре метафоры В.Н. Телия также выделяет три комплекса смыслов: «основание метафоры, как мысль о мире», «некое образное представление о вспомогательной сущности» и «само значение переосмысляемого при посредстве метафоризации имени» [7]. Н. Д. Арутюнова полагает, что четыре компонента участвуют в построении метафоры, «лишь частично эксплицированные в ее поверхностной структуре, две сущности (два объекта) - основной и вспомогательный субъекты метафоры, по М. Блэку, - и некоторые свойства каждого объекта» [8].

Исследователи, которые рассматривают метафору как единицу лексической системы языка, считают, что нужно разграничить языковую метафору и близкие или смежные с ней языковые явления. В связи с этим явления под названием генетическая метафора (стертая метафора) и окказиональная метафора разграничиваются на основании того, что данные семантические явления не обладают специфическими особенностями языковой метафоры [6, с. 29 - 44]. Как явление лексикологии метафора обычно противопоставлена синекдохе, переносу по функции, метонимии и другим типам изменения значений.

Лингвисты разработали семантическую и функциональную типологию метафор в рамках структурно-семантического подхода.

В работах В. Г. Гака, Ю. И. Левина, В. П. Москвина, Г. Н. Скляревской можно увидеть семантическую типологию метафор, которая основана на их семантической двуплановости. Исследователи составляют классификацию не только по семантическим признакам основного субъекта метафоры, но и на основе семантических признаков вспомогательного, также классифицируется

по основе переноса. Опираясь на характер семантических процессов, которые происходят при метафоризации, В. Г. Гак приводит два типа метафор: 1) основанные на полном метафорическом переносе (двустороннюю метафору, например, *котелок* - о голове; одностороннюю семасиологическую метафору, например, *ручка кресла* и одностороннюю ономасиологическую метафору, например, *волынить*) 2) основанные на частичном метафорическом переносе, например, *зубец вилки* [5, с. 13 – 17]. Выстраивая свою классификацию метафор, Ю. И. Левин полагается на способ реализации компаративного элемента (наличии/отсутствии ключевого слова, при помощи которого осуществляется «расшифровка» метафоры) и выделяет следующие метафоры: 1) метафоры – сравнения («замкнутая метафора»), например, *вихрь жизни*, где «отгадочное» слово присутствует, имеется в контексте и 2) метафоры – загадки («незамкнутая метафора»), когда ключевое слово отсутствует в контексте, поэтому однозначная расшифровка метафоры затруднительна. Как пример метафоры-загадки Ю.И.Левин приводит следующий контекст: *Но не боюсь, смотреть в упор, В душе – безумность и беспечность! Там – вихрем размечен костер, Но искры улетели в вечность* (А. Блок) [9, с. 459]. При анализе параметров классификации русской метафоры В.И. Москвин говорит о том, что метафоры группируются по тематической принадлежности вспомогательного субъекта, иначе говоря, полагаясь на тематическую соотнесенность сравнения, которое лежит в основе этих метафор, к примеру, «медицинские» (*предвыборная лихорадка*), «спортивные» (*избирательный марафон*), «финансовые» (*политический капитал*) и др. [10, с. 66]. По характеру связи исходного значения с метафорическим Г. Н. Складневская приводит три вида метафор: 1) *мотивированная языковая метафора*, в ней семантический элемент эксплицитно связывает метафорическое значение с исходным, например, *стена* (прямое значение: 'вертикальная часть здания, служащая для поддержания перекрытий и для разделения помещения на части'; переносное значение: 'то, что отделяет, разделяет кого-, что-л., является препятствием к общению, единению кого-л.');

2) *синкретическая языковая*

метафора, образованная в результате смешения чувственных восприятий, к примеру, *здоровье дома* и 3) *ассоциативная языковая метафора*, которая основывается на том, что сознание способно отыскивать аналогии между любыми объектами действительности, к примеру, метафора *порог боли* [6, с. 48 - 64]. Г. Н. Складарская также приводит достаточно обширную типологию метафорических переносов, которая основана на тематической классификации семантических сфер, вступающих в метафорический процесс, и подробно описывает типы регулярных и нерегулярных метафорических переносов [6, с. 65 - 99]. В данной работе важными для нас являются регулярные типы переносов, которые связаны с семантической сферой «предмет»: предмет → предмет (*халупа, хибара, хижина* - о неприглядном жилище); предмет → человек (*будка* - о лице человека, *фасад* - о наружности человека); предмет → физический мир (*стена огня*); предмет → абстракция (*каркас сюжета*).

Н. Д. Арутюновой, Е. О. Опаринной, В. Н. Телия, В. К. Харченко и др. предложили функциональную типологию метафор. Они выделили три основные функции метафоры (В. Н. Телия, Н. Д. Арутюновой): 1) *идентифицирующая* (в терминологии В. Н. Телии, или, *номинативная* в терминологии Н. Д. Арутюновой): согласно В. Н. Телия, в этой функции метафоры действуют в сфере обозначения окружающего мира, который воспринимается непосредственно органами чувств. Обеспечивается наименование предметов, предметно-ориентированных действий, отношений и качеств; 2) *когнитивная функция*, которая стимулирует формирование абстрактного значения; 3) *образная функция*, целью которой является вызвать ценностное отношение к миру [11, с. 195–204].

Исследователи, изучая метафору в рамках системно-структурного подхода, не ставят под сомнение тот факт, что языковые данные отражают мыслительные процессы: «Метафора возникает <<...>> потому, что без нее невозможно обойтись, она присуща человеческому мышлению и языку как таковому. Изучение метафоры позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем

определить специфику каждого языка» [5]. Но акцентирование внимания на то, чтобы выявить структурные и содержательные характеристики метафорического словоупотребления, ставят рамки для полного изучения метафоры, и исследования проходят только в рамках указанного подхода.

Возможность рассмотреть метафору более широко появляется с развитием когнитивной науки и в частности когнитивной лингвистики, в которой языковые явления могут быть интерпретированы в качестве средств доступа к процессам мышления.

1.2. Когнитивный подход

Ученые Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, и др. изучают метафору в качестве когнитивного явления, это связано с тем, что в когнитивной науке проблема связи языка и мышления все более актуализируется. Исследователи рассматривают метафору как своеобразное средство доступа к процессам мышления, при изучении метафоры в данном аспекте высвечиваются такие свойства метафоры, как проявление аналоговых возможностей восприятия действительности человеческим сознанием и миромоделирующий потенциал.

В рамках когнитивного направления метафора определяется как «способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [12].

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей теории концептуальной метафоры, представленной в книге «Метафоры, которыми мы живем», заложили истоки рассмотрения метафоры как когнитивного явления. Согласно концептуальной теории метафоры метафора является не образным средством языковой системы, она является единицей мышления и представляет собой когнитивный механизм, объединяющий две понятийные сферы, при этом на основе аналогии одна понятийная сфера (сфера-мишень) интерпретируется в терминах другой понятийной сферы (сфера-источник). Сферой-источником является более

конкретное знание, которое человек берет в процессе взаимодействия с действительностью, тем самым получая опыт, сфера-мишень в свою очередь – это менее конкретное, менее ясное знание [13, с. 75], иначе говоря, «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [14]. Отмечается, что «метафора пронизывает всю нашу жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [14, с. 387]. В связи с тем, что в понятийной системе мышления человека метафоры уже заложены, они определяют то, как человек действует и думает, опираясь на различные схемы. Выявить эти схемы возможно, если обратиться к языковым данным: «Поскольку естественноречевое общение базируется на той же понятийной системе, которую мы используем в мышлении и деятельности, язык выступает как важный источник данных о том, что эта система понятий собой представляет» [14, с. 388]. Учеными были проанализированы ряды метафорических выражений обыденного английского языка, которые представляют понятийные метафоры, целью было наглядно показать, как метафоры способны структурировать наше мышление, восприятие, поведение и познание (например, «Спор – это война», «Время – это деньги» и др.) [14, с. 388 - 392]. В своих работах Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят следующие типы метафор, задающие ассоциации и аналогии между разными системами понятий и порождающие частные метафоры: 1) *структурные метафоры*, 2) *ориентационные метафоры* и 3) *онтологические метафоры*. Структурные метафоры «дают нам возможность использовать одно высокоструктурированное и четко выделяемое понятие для структурирование другого» [14, с. 129]. Ориентационные метафоры имеют связь с ориентацией в пространстве, с противопоставлениями типа «верх-низ», «внутри-снаружи», «центр-периферия» и др. Этот тип метафор дает возможность смоделировать организацию целой системы понятий, основываясь на некоторой другой

системе. Онтологические метафоры дают возможность осмысления абстрактных сущностей в терминах конкретных сущностей. В работах Дж.Лакоффа и М.Джонсона приводятся следующие примеры: структурные метафоры – «Время – это деньги», «Спор – это война»; ориентационными метафорами являются – «Счастье – это верх», «Грусть – это низ»; онтологические метафоры – это «Инфляция – это сущность», «Психика – это хрупкий предмет», «Психика – это машина» и др.

Таким образом, основываясь на концептуальной теории метафоры, которая реализует когнитивный подход, метафору можно определить как когнитивную структуру, модель, «схему связи между понятийными сферами», которую, ссылаясь на А. П. Чудинова, «можно представить определенной формулой: 'X - это Y', причем X не подобен, а отождествляется Y» [4]. На стыке двух этих сфер и существует метафора, данные сферы получили названия: «source domain» («сфера-источник») и «target domain» («сфера-мишень») [14]; «исходная сфера», «донорская зона» и «конечная сфера», «реципиентная зона» [13]. Р. Ж. Керимов анализировал артефактную концептуальную метафору в немецком политическом дискурсе и привел цитату З. Кёвешеча («метафора дефинируется как понимание одной концептуальной сферы в терминах другой концептуальной сферы») [15, с. 7].

В отечественной лингвистике основные положения теории концептуальной метафоры представлены в работах Н. А. Мишанкиной, А. Н. Баранова, З. Демьянкова, Н. Ю. Бородулиной, И. М. Кобозевой Д. Н. Галимовой, В., Е. С. Кубярковой, Е. Г. Кабаченко, Е. В. Рахилиной Р. Д. Керимова, А. П. Чудинова Е. В. Колотниной, А. М. Мухачевой, З. И. Резановой, и др.

Таким образом, Дж. Лакофф и М. Джонсон сформулировали концептуальную теорию метафоры, ее изучение продолжили многие отечественные и зарубежные лингвисты, в этой теории внимание акцентируется на когнитивные метафорические модели, которые реализуются в языке в системе метафорических выражений. В связи с тем, что когнитивные

метафорические модели воплощаются в языковых метафорических моделях, то можно говорить о метафоре как о лингвокогнитивном феномене.

1.3. Лингвокогнитивный подход

В рамках лингвокогнитивного подхода исследователи рассматривают метафору как явление, объединяющее мышление человека и язык человека, как основной когнитивный механизм моделирования, который воплощается в языковых структурах. При данном подходе, вслед за А. П. Чудиновым, Д. Н. Галимовой, А. М. Мухачевой, Д. А. Катуниним, А. Н. Барановым, В. В. Овсянниковой, В. З. Демьянковым, З. И. Резановой, Н. А. Мишанкиной, Е. В. Рахилиной и др., метафора определяется как единство когнитивной и лексико-семантической структур. Структура метафоры как когнитивного компонента состоит из трех компонентов: источник метафорического образа (или сфера-донор), результирующий образ (или сфера-мишень) и основание метафорического отождествления (или образное представление (признак), на его основе происходит метафорический перенос). В структуре метафорического лексического значения данные когнитивные элементы соотнесены, соответственно, с исходным номинативным значением, метафорическим значением и семантическим компонентом, служащим основанием метафорического уподобления [5, с. 14]. Языковые единицы, объединенные тем, что исходные номинативные значения имеют единую тему, репрезентируют сферу-источник метафорической экспансии; языковые единицы, у которых метафорические значения обладают тематической общностью, являются сферой-мишенью. Семантический компонент, который является основанием метафорического переноса, задает «тип соотнесения исходных и результирующих семантик» и определяет ту или иную метафорическую модель. Концептуальная сфера (понятийная сфера) является крупным объединением языковых единиц и может быть разделена на подсферы (менее крупные

тематические объединения). Подсферы выступают как источник и мишень, при соотношении подсфер двух концептуальных пространств, определяются частные метафорические модели, или подмодели общей метафорической модели. В данной работе мы употребляем термин «подмодель», под этим термином мы понимаем частную метафорическую модель, которая объединяет метафорические номинации, которые объединены в менее крупную группу тематически. Из ряда подмоделей образуется общая метафорическая модель.

Метафора как лингвокогнитивный феномен – это модель, в соответствии с которой формируются фрагменты действительности, что находит свое выражение в языке.

В исследованиях, в которых совмещаются структурно-семантический и когнитивный подходы, метафорическая модель определяется, как «схема формирования метафорического значения, характеризующаяся единством тематической отнесённости номинативных и переносных метафорических значений, типа ассоциативного уподобления, являющаяся языковой репрезентацией типового соотношения соответствующих понятийных сфер» [16, с. 37].

Метафора представляется как некий механизм, с помощью которого жизненный опыт человека получает интерпретацию. Метафора представляется именно той призмой, через которую можно увидеть наиболее значимые для человека признаки и качества, которые он приписывает определенному объекту восприятия и осмысления. Как сфера-мишень, так и сфера-источник обладают интерпретационным потенциалом, так как фокусировка смыслов происходит благодаря тому, что происходит как бы сдвоение смысла, передаваемого исходным и производным значением [17, с. 46]. Объясняя название своей монографии «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 - 2000)», А. П. Чудинов обращает пристальное внимание на образ метафорического зеркала, которое, как он считает, воплощает суть метафоры – «Это не просто зеркало: это своего рода система взаимодействующих зеркал, состоящая по меньшей мере из трех элементов: в

первом зеркале мы видим ментальный мир человека и общества в целом ... Во втором зеркале мы видим отражение обыденных представлений человека о понятийной сфере-источнике метафорической экспансии ... В третьем зеркале мы видим отражение наивных человеческих представлений о понятийной сфере, к которой направлена метафорическая экспансия» [4, с. 54 - 55]. Цель, которую преследует исследователь, определяет аспект описания. А. П. Чудинов отмечает, что стремление выявить организацию человеческого мышления («первое зеркало») является целью, исследуемой Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [4, с. 55]. Выявлением важных свойств сферы занимаются такие исследователи, как Н. А. Бородулина, С. И. Богатова, Р. Д. Керимов, Е. Г. Кабаченко, и др., анализом сферы-мишени занимаются Н. В. Полякова, М. А. Симоненко, Е. В. Колотнина, А. П. Чудинов и др.

1.4. Когнитивно - дискурсивный подход

Понятие «дискурс» возникло во второй половине XX века. Термин «дискурс» часто используется для обозначения разных феноменов, что обуславливает выделение общепринятого определения этого явления. В этот период в языкознании происходит переход от структурно-семантического описания языка на описание функций языка. Понятие «дискурс» многосторонне, его изучение требует выхода за рамки чисто лингвистических методов, к его изучению привлекаются такие науки, как социолингвистика, лингвокультурология, когнитология и другие.

Дискурс – это текст в ситуации общения. В современной лингвистике с каждым днем все чаще и чаще появляется недовольство понятием «текст». Традиционный лингвистический анализ не позволяет в полной мере изучить текст с культурологической и социологической точки зрения, однако, если взять текст как объект лингвистического исследования, то опять же нельзя применить некоторые аналитические методики, которые применяются к

процессу интерпретации текста. Поэтому дискурс становится объектом когнитивной лингвистики.

Первым, кто занялся рассмотрением языка с позиций дискурса, был В. Гумбольдт, впоследствии этим вопросом занимался Л. Витгенштейн, Дж. Остин и Дж. Серля, широко известны работы Л.Дж. Филлипса, М.В. Йоргенсона, Т.А. ван Дейка по критическому дискурс-анализу. Теория дискурса также получила свое развитие в рамках французской школы дискурса, в которую входили такие ученые, как М. Фуко, П. Серио, П. Анри и др. В отечественной лингвистике дискурсивный подход рассматривается в работах В.И. Карасика, М.Л. Макаровой, В.Е. Чернявской, в них представлена специфика дискурсивных реализаций русского языка. Синтез когнитивного и дискурсивного подходов в аспекте варьирования русской национальной картины мира представлен в работах З.И. Резановой.

В настоящее время фокус лингвистических исследований направлен на определение понятия дискурс и выявление различий между дискурсом и текстом, а также на изучение типологии дискурса и критериев классификации этих типов.

Дискурс возникает в различных ситуациях, которые и составляют среду его существования. В настоящее время выделяются и описываются различные виды дискурса: медицинского, педагогического, компьютерного, экологического, политического и др. В нашем исследовании принята типология дискурсов, предложенная В.И.Карасиком, которая основана на институциональном подходе,

При когнитивно-дискурсивном подходе в своих исследованиях ученые стремятся определить способы моделирования реальности. Каждая отдельная наука, например, физика, лингвистика, экология и т.д создает частную научную картину мира. Тогда говорят о физической научной картине мира, о лингвистической научной картине мира, об экологической научной картине мира. При этом частная научная картина мира репрезентирует «свою» систему взглядов на тот или иной фрагмент действительности. По словам В.И.

Постоваловой, частная картина мира представляет «лишь какой-либо один фрагмент объективной действительности, составляющий предметную область соответствующей частной научной дисциплины» [11, с. 37]. Так, экологическая научная картина мира содержит знание о Земле, сложных взаимосвязях в природе, а также отношениях между человеком и природой и их последствия.

Традиционно считалось, что научная картина мира объективна и универсальна для всех народов, поскольку отражает научную истину, единую для всех народов. Однако благодаря переосмыслению роли языка в жизни человека, которое начинается в середине XX века, исследователи стали высказывать мнения о национальной составляющей в научной картине мира (О.А.Корнилов).

Учеными отмечается национальная специфика языка науки, которая заключена прежде всего в терминосистемах. Так, сопоставляя термины русского и китайского языков, О.А. Корнилов приходит к выводу, что в наибольшей степени национальная специфика проявляется в терминах, образованных в результате метафорических переносов, и в терминах с прозрачной внутренней формой [18, с. 67]

Многие лингвисты (В.И. Постовалова, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, и др.) отмечали особую роль лексики и грамматики в языковой картине мира. Считается, что по грамматическим и особенно лексическим структурам языка можно реконструировать мировоззрение, ценностные ориентиры, образ жизни того или иного языкового этноса. Ведь «в языке закреплён опыт тысячелетий психологической и культурной интроспекции его носителей» [19, с. 27].

К образным лексическим единицам относятся метафоры, которые выражают национальную специфику наиболее ярко. По ним можно определить метафорический фрагмент национальной языковой картины мира, отражающий закономерности образного мышления человека. Так, в русской языковой картине мира были исследованы метафоры звучания (Н.А. Мишанкина), пространства (А.М. Мухачёва), времени (Д.А. Катунин) на материале литературного языка. Метафорический фрагмент дискурсивной

(лингвистической) картины мира представлен З.И. Резановой, Н.А. Мишанкиной.

Поскольку мы исследуем метафору в экологическом научном дискурсе, остановимся для рассмотрения понятия «дискурс», его типологии более подробно.

1.4.1. Дискурс, его типология.

Понятие «дискурс» – это относительно молодое понятие, оно существует недолго, на данный момент множество ученых занимаются его изучением, но все еще не существует единого определения, трактующего, что такое дискурс. При его определении во внимание ученых, с одной стороны, попадает либо устное сообщение (Е.С. Кубрякова), либо готовый текст (Ван Дейк и др). С другой стороны, дискурс определяется как «языковая единица выше уровня предложения» (В.А. Звегинцев, M. Stubbs и др.) или как «всякое употребление языка» (Ю.В. Макаров).

В 60-70-х гг. XX века дискурс рассматривался в качестве последовательности речевых актов и предложений, связанной между собой. Уже к концу 80-х гг. XX века дискурс рассматривается в качестве сложного коммуникативного явления, своего рода системы знаний, которая включает в себя помимо текстового материала, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, оценки, установки, коммуникативные цели и др.), которые необходимы для понимания текста.

В нашем исследовании мы понимаем дискурс как «текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно–прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [20, с. 77].

Дискурс – это достаточно широко употребляемое понятие, он является одной из основных категорий в коммуникативной лингвистике и современных социальных науках, существует множество научных интерпретаций понятия дискурс.

В настоящее время наиболее распространенным определением дискурса является совокупность всего высказанного и произнесенного, это определение высказал французский культуролог Мишель Фуко. Как говорит М.Л. Макаров, широкое употребление дискурса по отношению к понятиям речь, текст, диалог сегодня все чаще встречается в лингвистической литературе, в то время как в философской, социологической или психологической терминологии оно уже стало нормой [21, с. 67-70].

Профессор Амстердамского университета Т.А. Ван Дейк определил дискурс как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и речевом контексте» [22, с. 73].

Что касается отечественной лингвистики, Н.Д. Арутюнова считает, что дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь» [23, с. 136 – 137].

В.З. Демьянов представляет дискурс более узко и соотносит его с контекстом: «дискурс представляет собой произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения» [24, с. 37].

Т.М. Николаева интерпретирует дискурс в более широком смысле. Согласно Т.М. Николаевой можно выделить 5 важнейших значений дискурса это: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность письменная или устная [25, с. 467].

Суммируя различные понимания дискурса в зарубежном и отечественном языкознании, В.Е. Чернявская выделяет два основных

толкования дискурса: 1) «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве», и 2) «совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме» [20, с. 74-79].

Резюмируя все вышесказанное, дискурс можно трактовать в качестве коммуникативного акта, его результат – это связное речевое произведение в устной или письменной речи, включающее все вербальные и невербальные составляющие. Дискурс – это акт коммуникации, результатом которого является связное речевое произведение в устном или письменном виде.

Изучая дискурс, как и любой естественный феномен, появляется необходимость его классификации. Однако, единой типологии, как и единого определения дискурса, на данный момент не существует, классификация может строиться на различных основаниях.

Одним из самых очевидных делений будет устный и письменный дискурс. Это связано с тем, как в данном дискурсе воспринимается информация, в первом случае – акустически, во втором – визуально.

Если рассматривать дискурс с позиций социолингвистики, В.И. Карасик выделяет два вида дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). В персональном дискурсе говорящий выступает в качестве личности с богатым внутренним миром, в институциональном – в качестве представителя какой-либо социальной группы. Персональный дискурс подразделяется на бытовое и бытийное общение.

Бытовое общение – это общение, которое протекает между друзьями, людьми, которые хорошо знают друг друга, при бытовом общении поддерживается определенный контакт и обсуждаются насущные проблемы и их решения. Общение происходит в форме диалога, за счет того, что собеседники хорошо знакомы между собой, у них нет необходимости продумывать каждую свою фразу, разговор поддерживается на ежедневную тему. Специфика данного вида дискурса хорошо описана в исследованиях

устной разговорной речи, он характеризуется ситуативностью высказываний, простотой, порой нарушениями структуры и логики. С точки зрения фонетики беглое произношение, которое может носить нечеткий характер. В данном виде дискурса можно заметить широкое употребление простой и жаргонной лексики. Отличительной особенностью бытового дискурса является то, что участники дискурса понимают друг друга с полуслова, тематика легко может переключаться.

Бытийный дискурс представлен произведениями художественной литературы, разного рода философскими и психологическими текстами. В данном типе дискурса широко раскрывается внутренний мир автора, бытийное общение носит в основном монологический характер, наполнено смыслом, в нем используются разные формы речи.

Институциональный дискурс – это дискурс, который может быть определен в зависимости от типа социального института в обществе, ему характерны лингвистические релевантные признаки, важнейшие из которых – цель общения, фиксированные типовые обстоятельства и представительская коммуникативная функция.

По определению В.И.Карасика институциональный дискурс представляет собой «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [26, с. 193]. Как отмечает В.И.Карасик, на данный момент можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, сценический, административный, деловой, юридический, военный, религиозный, медицинский, рекламный, дипломатический, спортивный, педагогический научный и массово-информационный. Данный список может продолжаться, так как современное общество динамично по своей натуре, некоторые социальные институты теряют свою актуальность и перестают существовать, какие-то развиваются и перерастают в новые более крупные. Помимо этого,

выделенные типы дискурсов не должны рассматриваться как однородные явления, они могут сливаться друг с другом и возникать в качестве разновидностей в рамках того или иного типа.

Два системообразующих признака выделяют институциональный дискурс: участники и цели общения. К примеру, цель политического дискурса – это завоевание и удержание власти, целью педагогического дискурса является социализация нового члена общества, медицинского дискурса – оказание квалифицированной помощи больному. Если рассматривать участников, то ими являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). К примеру, это врач и пациент, учитель и ученик, священник и прихожанин, политик и избиратель.

Можно сказать, что видов дискурса можно выделить столько, сколько видов деятельности человека, так как какой бы то ни было вид деятельности порождает свой вид дискурса с характерной для него стилистикой и лексикой. Поэтому мы считаем возможным выделить и экологический дискурс, к которому можно отнести тексты различных жанров и стилей, в которых поднимаются темы экологии и экологические проблемы.

Таким образом, следует сказать, что типология дискурса может быть выделена на разных основаниях. Мы считаем, что наиболее полная классификация принадлежит В.И. Карасику, включающая в себя два типа: персональный и институциональный. Выделяя персональный и институциональный дискурс, представляется возможным проследить субъективные признаки различных ситуаций общения, определить типы коммуникативных личностей и способы организации текста, что позволяет по-новому изучать язык и его особенности.

1.4.2. Экологический дискурс

В настоящее время отношения общества и природы все больше расширяются и усложняются. В связи с обострением мировой экологической

ситуации, существования угрозы еще большего ухудшения экологии, проблема сохранения окружающей среды является одной из самых актуальных проблем мирового сообщества. Экологическое сознание разных народов стало активно развиваться, появились различного рода природоохранные движения, начали формироваться институты экологической политики.

Появление экологического дискурса неразрывно связано с формированием экологического сознания, с поиском путей улучшения экологической ситуации и решения экологических проблем. В центре внимания экологического дискурса стала природа и состояние окружающей среды.

С самого начала развития человек тесно связан с природой, он зависим от природных ресурсов, растительного и животного мира. Источником накопления знаний об экологии стали представления людей об окружающей среде с древних времен.

Как самостоятельная наука экология сформировалась только в XX веке, однако еще с древних времен люди накапливали знания о растениях, животных, их образе жизни, это подтверждается данными древних письменных источников. Живя в единении с природой, люди не могли не учитывать образ жизни животных и особенности среды обитания, в которой они живут.

Представления об окружающем мире в сознании человека складывались на протяжении веков. В период первобытных общин, когда религия только начала зарождаться, обожествление природы и поклонение природным силам стало культом, источником был всеобщий культ Богини-Матери (Мать-Природа, Мать-Земля, Мать-Прародительница всего сущего). Проявление обожествления природы можно было увидеть в разного рода культурах, обрядах, верованиях.

К основным формам проявлений древней культуры относятся анимизм, фетишизм, тотемизм. Анимизм – это вера в существование души и духов, вера в одушевленность всей природы. Растения, животные, ветер, солнце, камни для первобытного человека обладали душой, они могли осуществлять какие-то действия, помогать, вредить деятельности человека. Тотемизм – вера в

существование мистической связи между племенем и определенным видом животных или растений. Фетишизм – культ неодушевленных вещей, выраженный в обожествлении или поклонении этим вещам.

К примеру, у древних славян земля была живым существом, ее волосами представлялись лес и травы, костями – камни и скалы, кровью – моря и реки.

В период Средневековья считалось, что Природа, как и сам человек созданы Богом. В эпоху феодализма, когда мифолого-религиозная картина мира отошла на второй план, в силу вступила естественно-научная картина мира. В эпоху Возрождения, великих географических открытий и путешествий были сделаны великие открытия, которые послужили толчком для развития биологии. Знания людей стали намного обширнее, они описывали не только внешнее и внутреннее строение растений, но и их взаимосвязь с условиями обитания, произрастания, возделывания. При описании животных все чаще встречались упоминания об их местах обитания, поведении, повадках.

По мнению Э. Геккеля экологию следует отнести к биологическим наукам и наукам о природе, интерес которых сосредоточен на жизни биологических организмов. Как уже говорилось выше, в качестве самостоятельной науки экология сформировалась к началу XX в., до этого времени экологический дискурс в большей степени развивался внутри биологической науки.

Под экологическим дискурсом понимают «множество текстов различных функциональных стилей и жанров, от монографий до произведений популярной и художественной литературы, как выражение в языке экологических тем и проблем. Это связный, устный или письменный текст, обусловленный ситуацией общения на экологические темы». [27, с. 15]

Во второй половине XX в. произошла своего рода "экологизация" современной науки, "экологический поворот" и широкое распространение экологической проблематики в других науках, в политической сфере, а также в средствах массовой информации; возрождаются движения по охране окружающей среды и возникают новые социальные движения, что связано с

осознанием огромной роли экологических знаний, с пониманием того, что деятельность человека зачастую не просто наносит вред окружающей среде, но и, воздействуя на нее негативно, изменяя условия жизни людей, угрожает самому существованию человечества. [27, с. 19]

Исследовать современный экологический дискурс можно с точки зрения нескольких аспектов, которые могут различаться в зависимости от ракурса изучения основной экологической проблемы:

- 1) с культурно-исторической позиции рассматриваются условия непрерывности и изменения исторической интерпретации экологических связей;
- 2) с естественнонаучной точки зрения встаёт вопрос о закономерностях в отношениях между живыми существами и окружающей средой;
- 3) с философской позиции исследуются особенности экологического мышления;
- 4) с эстетической позиции изучается восприятие экологических отношений;
- 5) с социополитической позиции встаёт вопрос об условиях развития нового социального поведения на основе экологических знаний;
- 6) с этической точки зрения в практических дискурсах изучается нормативность индивидуального и коллективного общения с окружающими человека экосистемами [28].

Термин «экологический» определяет рамки данного дискурса, обозначает его главную проблему: вопрос об отношениях между живыми организмами и окружающим их миром является ключевым для экологического дискурса.

Объединяя все вышесказанное, следует сказать, что экология как наука развивалась в течение длительного времени, начиная с древности люди накапливали знания об окружающей их среде. Появление экологического дискурса обусловлено обострением мировой экологической ситуации, в связи с чем экологическое сознание людей стало активно развиваться, экологическая тематика стала объектом художественной и научно-популярной литературы.

Появлению экологического дискурса предшествует развитие экологии вместе с лингвистикой, благодаря неразрывной связи этих двух наук в

языкознании появилась новая область – эколингвистика, объектом исследования которой и является экологический дискурс.

Вслед за культурной революцией XX века, самосознание людей растет, отношения человека и природы меняются. Человек больше не приспосабливается к природе и окружающему его миру, он пытается его изменить, приспособить к своим потребностям. Главным источником этих изменений служит технический прогресс, в результате которого человек может оказывать на природу все большее влияние.

В связи с этим появляется множество проблем, связанных с окружающей средой, существует ряд наук, в рамках которых эти проблемы пытаются решить, например, психоэкология, экологическая психология, экологическая медицина, экологическое право и т.д. В 70-е годы XX века появляются различные экологические движения в защиту окружающей среды, поэтому вопрос о роли языка в освещении проблем природы становится приоритетным.

Эколингвистика – это научное направление в языкознании, которое сформировалось на стыке социального, психологического и философского лингвистических направлений.

Выделение отдельной науки экологии стало возможным, когда было накоплено достаточное количество информации о животных организмах и особенностях их образа жизни, когда стали выявляться определенные закономерности в отношениях окружающей среды с животными организмами. За свое долгое существование наука «экология» превратилась из «науки об отношениях организмов с окружающей средой», которая изучает «распространение генотипических вариаций и популяций», «поведение организмов, роль естественного отбора и различных форм борьбы за существование в процессе видообразования» [29, с. 1217] в науку, охватывающую широкий спектр вопросов. В последнее время стали обращать большой внимание на экологию как на науку, это связано с развитием человечества, укреплением связи человека с окружающей средой, его влиянием

на нее, появился ряд вопросов, которые требуют решения. Чтобы человек мог обеспечить себя достаточным количеством чистой воды, чистого воздуха, он должен знать, каким образом устроена и функционирует природа, окружающая среда, именно этими вопросами и занимается экология.

Традиционно считается, что доклад Айнара Хаугена «Экология языка» (1970г.) положил начало эколингвистике. Главной идеей данного доклада является то, что существование языков, как у животных и растений, всецело зависит друг от друга, они сосуществуют, конкурируют между собой. А.Хауген выделил предмет эколингвистики – язык и экология, т.е. «изучение взаимодействия между определённым языком и его окружением», а также «взаимосвязи между языками в уме человека и в многоязыковом обществе» [30, с. 325]. Итак, в трудах А.Хаугена предметом изучения является именно лингвистика, а экология – это основа для ее изучения.

Вслед за А. Хаугеном эколингвистика начала бурно развиваться и изучаться такими учеными, как Дв. Болингер, В. Трампе, А. Филл, М. Дёринг, И. Шторк и др.

По мнению А. Филла, эколингвистика применяется для изучения различных феноменов, взаимодействующих с языком. В своих трудах он изучает языковые контакты и языковые изменения, вытеснение редких языков более крупными экономически значимыми, унификацию языковых общностей, билингвизм, языковые стратегии манипуляции, касающиеся экологических проблем [31, с. 2].

Отечественные ученые также активно исследуют эколингвистику. В.Ф. Нечипоренко в своей монографии «Лингвофилософские основы эколингвистики» говорит о том, как важно изучать экологию и лингвистику, чтобы исследовать природу и процессы, происходящие вокруг человека [32].

В Саратовском Государственном университете выпустили сборник под названием «Эколингвистика: теория, проблемы, методы» (2003), в нем собраны статьи, которые рассматривают проблемы, термины и методы эколингвистического анализа.

Стоит отметить, что в России направление эколингвистики еще не пользуется такой популярностью, как за рубежом, оно все еще остается малоизученной областью.

В настоящий момент есть идея, как в социологии, разделять вопросы, связанные с эколингвистикой, на микро- и макро-. Черта между микро- и макроэколингвистикой будет очень прозрачной. Макроэколингвистика сосредоточит свое внимание на вопросах государственной, мировой, региональной значимости, к примеру сюда будут сходиться вопросы, связанные с языковым геноцидом, языковой политикой, языковыми конфликтами. К микроэколингвистике же будет относиться исследование речевых и языковых фактов с учётом факторов эколингвистического порядка и привлечение концептуальных аспектов теории языковых контактов, социалингвистики, психалингвистики, социокультурной антропологии.

Таким образом, на данный момент можно выделить два направления эколингвистики:

- 1) «экологическая лингвистика» (по А. Хаугену), в которой экологические термины, методы исследования переносятся на язык, в данном направлении изучается связь и воздействие языков друг на друга: А. Филл, П. Финке, В. Траме, И. Шторк;
- 2) «языковая экология» (по М. Хэллидею), в данном направлении изучается выражение экологических тем в языке, основываясь на методы языкознания. В данном направлении изучается связь языка и вопросов экологии: М. Дёринг, П. Мюльхойслер.

1.4.3. Структура экологического дискурса

В экологическом дискурсе при отборе материала исследования существует два подхода: узкий и широкий. При узком отборе рассматриваются только тексты, которые создали экологи. Эти тексты институциональны и

имеют собственную специфику. Во втором случае рассматриваются тексты, которые посвящены различного рода экологическим проблемам.

Ученые выделяют несколько разновидностей экологического дискурса:

- 1) Научный дискурс, в нем рассматриваются тексты, которые созданы экологами (исследования, диссертации, научные статьи);
- 2) Медийный дискурс (публицистический [33; 34], массово-информационный [35], масс-медиаальный [36], массмедийный/медийный [37]), в нем рассматриваются тексты, которые были созданы журналистами, которые распространяются в прессе, на телевидении, радио, в Интернете;
- 3) Религиозно – проповедческий дискурс, в нем рассматриваются тексты устные и письменные тексты религиозного общения;
- 4) Художественный дискурс, рассматриваются тексты художественной литературы.

Ядром экологического дискурса является научный дискурс, периферийными остаются все остальные жанры, ближней периферией является медийный дискурс, на дальней периферии располагаются тексты религиозно – проповеднического дискурса и художественного, а также тексты, которые были созданы непрофессиональными экологами, писателями, теми, кто участвует в экологической коммуникации только эпизодически. Например, различные письма, обращенные к государственным деятелям или учреждениям, бытовые разговоры на тему экологии и экологических проблем.

Для изучения каждого из типов экологического дискурса, В.И. Карасиком была предложена следующая схема, включающая в себя такие категории, как участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал (тематика), жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы [35].

Научный экологический дискурс

Участники научного экологического дискурса – это исследователи – экологи, клиенты – публика, читающая научно-популярные журналы и смотрящая передачи на экологические темы, а также студенты – экологи.

Хронотопом является та обстановка, которая типична для научного диалога. При устном диалоге хронотопом может быть лаборатория, кабинет исследователя, зал заседаний, кафедра, при письменном диалоге хронотоп – библиотека.

Цель научного экологического дискурса – это процесс вывода нового экологического знания, он представлен в вербальной форме, логично изложен, в нем присутствуют доказательства ложности и истинности представленных положений.

Ценности представлены в ключевых концептах: «природа», «защита окружающей среды», «экология».

Стратегии научного экологического дискурса исходят из поставленных целей, целями могут быть постановка проблемы и предмета изучения, анализ ситуации, постановка гипотезы, цели и задач исследования, подборка методов и материала, проведение эксперимента, определение выводов исследования и практическое применение результатов исследования.

Материалом научного экологического дискурса служит широкий спектр письменных и устный научных текстов на экологические темы.

В качестве жанров научного экологического дискурса выступают монографии, диссертации, научные статьи, дискуссии, лекции, доклады, научные отчеты, конспекты, рефераты, рецензии, аннотации на экологическую тематику.

Дискурсивные формулы – это обороты речи, которые типичны для общения в рамках определенного социального института. Для научного экологического дискурса характерны такие синтаксические особенности, как присутствие аналитических конструкций, синтаксическая полнота высказываний, употребление клишированных структур, именной характер высказывания и т.д.

Медийный экологический дискурс

Агенты медийного экологического дискурса – журналисты, клиенты – читатели прессы, телевизионные зрители, слушатели радио.

Хронотоп медийного экологического дискурса достаточно размыт, коммуникация может происходить на радио, телевидении, в общественных местах.

Целью является оказать воздействие на широкую аудиторию путем информирования и оценивая предоставляемой информации, касающейся окружающей среды, экологических проблем и природных катастроф.

Что касается жанров медийного экологического дискурса, существуют различные классификации жанров, общепринятыми являются информационная, аналитическая и художественно – публицистическая жанровые группы с СМИ, в информационную группу входят заметки, сообщения, отчеты, интервью, обзоры, описания, в аналитическую – статьи, заметки, рецензии, репортажи, обращения, комментарии, призывы, к художественно – публицистической группе относятся речи, статьи, очерки, репортажи, эссе, памфлеты, глоссы, рецензии.

Материалом медийного экологического дискурса служат тексты средств массовой информации на экологические проблемы и темы, которые актуальны на данный момент.

Прецедентными феноменами текста выступают некоторые клишированные выражения, которые характерны для медийного дискурса.

Основным признаком медийного дискурса является одновременная клишированность языка и насыщенность образно – выразительными средствами, сочетание стандарта и экспрессии.

Религиозно – проповеднический экологический дискурс

Агенты религиозно-проповеднического дискурса – это священнослужители, клиенты – прихожане и верующие, случайные слушатели и зрители.

Хронотопом является храм.

Цель религиозно-проповеднического экологического дискурса – разъяснить события, которые проходят в окружающем мире, призвать к вере и покаянию.

К ценностям относятся ценности веры (спасение души, признание Бога), что и становится ключевым концептом данного типа дискурса.

Стратегии религиозно – проповеднического экологического дискурса определяются его целями, а именно в данном контексте основной целью является разъяснить сущность природных катаклизмов, которые описаны в прецедентных текстах и тех, которые происходят сейчас.

Материалом служат тексты, которые формируют религиозное общение на экологические темы.

Основные жанры: Священное писание, Священное предание, толкования и проповеди.

Прецедентные тексты – тексты Священного писания.

К дискурсивным формулам можно отнести клишированные выражения, которые приняты в религиозном общении.

Художественный экологический дискурс

В художественном экологическом дискурсе общение обычно носит монологический характер, в него входят произведения художественной литературы, которые описывают, как взаимодействуют человек и природа, описывают разного рода явления и как функционирует окружающая среда.

Жанры художественного экологического дискурса делятся на три литературных рода – эпос, лирика и драма, к эпосу относятся новеллы, анекдоты, рассказы, сказки, басни, притчи, мемуары, переписки, к лирике относятся баллады и стихотворения, а к драме – драматические произведения.

Сущность литературного искусства определяет содержание художественного дискурса, литературное искусство не только познает, но и переживает мир. Его произведения оказывают влияние, воздействие на читателей, в данных произведениях на первый план выходят чувства и переживания человека по отношению к происходящему, тексты художественного экологического дискурса ориентированы на читателя.

Следует сказать, что границы между представленными разновидностями экологического дискурса не вполне очевидны, нередко они пересекаются.

Данное исследование проводится на стыке двух видов экологического дискурса – научного и медийного, так как используемый в исследовании материал взят из научных статей экологических журналов (Экология и жизнь, Китайский журнал экологии), а также из докладов, новостных сообщений и научно-популярных статей с сайтов ассоциации Защиты окружающей среды, Министерства защиты окружающей среды.

Выводы по первой главе

В первой главе были изложены теоретические аспекты исследования. Метафора исследуется и интерпретируется различными науками по-разному. Объём и содержание понятия метафоры в лингвистике может варьироваться в зависимости от целей и задач того или иного направления языкознания. Стилистическим направлением метафора традиционно изучается как троп. Структурно-семантическое направление рассматривает её как лексическое явление, обладающее четкой структурой и организацией. В рамках когнитивного направления метафора интерпретируется как базовый ментальный механизм. В сложившейся когнитивной парадигме можно выделить лингвокогнитивный подход, позволяющий представить метафору как когнитивное средство непрямого отражения мира в сознании, воплощённое в языковых структурах.

Языковые метафоры отражают специфическое видение мира, присущее каждой определенной культуре, и позволяют обнаружить систему представлений человека о мире или его фрагменте. Миромоделирующий потенциал метафоры может проявляться по-разному в дискурсивной картине мира, которая является вариантом общей картины мира.

Дискурсивная картина мира соотносится с понятием дискурса, которое в настоящем исследовании трактуется как коммуникативное событие, в результате которого появляется текст. Выделяются различные виды дискурса. В настоящем исследовании принят институциональный подход к классификации дискурса, основанный на видах человеческой деятельности, что делает возможным выделение экологического дискурса, объединяющего разнообразные устные или письменные тексты различных функциональных стилей и жанров, обусловленные ситуацией общения на экологические темы.

2. Метафорическое моделирование понятийной области «Природная катастрофа»

Человек – это неотъемлемая часть природы, за время своего существования человечество всегда пыталось повлиять на природу, приручить её, стать выше природы. Однако даже несмотря на развивающиеся быстрыми темпами технологии, природа так и остается неподвластной человеку, каждый день так или иначе природа оказывает влияние на человечество. Одним из таких влияний являются природные катастрофы, которые происходят в разных регионах планеты.

Природная катастрофа – это природное явление, способное нарушить деятельность человека, оно может привести к человеческим жертвам, нанести материальный ущерб и др. Природные катастрофы относят к чрезвычайным ситуациям, которые невозможно предугадать и проконтролировать, обычно они связаны с дисбалансом, который возник между природой, окружающей средой и деятельностью человека. Существует множество природных катастроф, в данной работе мы рассмотрим некоторые из них:

Наводнение – природная катастрофа, которая может быть вызвана различными причинами и заключающаяся в том, что уровень воды в водоеме повышается и происходит затопление водой местности вокруг. Причины наводнения могут быть таяние снега, ледников, как результат обильных осадков. Чтобы бороться с наводнениями люди строят водохранилища или оградительные дамбы. [38, с. 572]

Землетрясения – представляют собой подземные толчки и колебания земной поверхности. Наиболее опасные из них возникают из-за тектонических смещений и разрывов в земной коре или верхней части мантии Земли. Никто не знает точно, сколько землетрясений на самом деле происходит на Земле. Ежегодно приборами регистрируется более миллиона землетрясений. Рост количества пунктов наблюдений и совершенствование приборов для записи сейсмических колебаний позволили регистрировать с каждым

десятилетием всё больше землетрясений происходящих в недрах планеты. [38, с. 363] Термины «разрушительное» или «катастрофическое» используется по отношению к землетрясению любой энергии и природы, если оно сопровождалось разрушениями и гибелью людей. Самым известным фактом, касающегося землетрясений, является то количество жертв и ущерба, которое они способны нанести.

В данном исследовании мы хотим проследить, как образ природных катастроф концептуализируется посредством метафор в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

В нашем исследовании мы не разделяем наводнение и землетрясение, а рассматриваем их как одну понятийную область «природная катастрофа».

Охарактеризуем этапы разработанной методики выявления метафорических единиц и метафорических моделей, приведем наиболее важные результаты анализа, подученные на данных этапах.

На **первом этапе** анализа приемом сплошной выборки из контекста извлекается корпус метафорических номинаций понятийной области «природная катастрофа», репрезентирующих корпус узуальной лексики литературного языка:

Все системы биосферы пытаются «переварить» проникающие в нее чуждые ей объекты.

На **втором этапе** мы проверяем семантику лексем, представленную в толковом словаре, с целью определения их первичного значения, а также исследуем контексты актуализаций уподоблений узуальных метафор, определяем метафорическое значение метафоры:

Все системы биосферы пытаются «переварить» проникающие в нее чуждые ей объекты. Переварить – «переработать в процессе пищеварения (о желудке), усвоить, воспринять» [47] ⇒ переварить – «подвергнуть сильному воздействию, чтобы сделать своей частью».

Проводится углубленный семантический анализ лексем. Каждая метафора анализируется по всем трем составным компонентам структуры

метафорического значения: семантические компоненты исходного номинативного и результативного, метафорического значений, и на этой основе выявляются основания метафорического переноса (символ метафоры, по Г.Н.Склярёвской) [39, с.51].

На **третьем этапе** выявленные метафорические единицы группируются по тематике. Выделенные тематические группы характеризуются общностью тематической отнесенности метафорических единиц, репрезентирующих единую сферу-мишень «Природная катастрофа».

На **четвертом этапе** анализа выявляются метафорические модели, которые формируются на основе обобщения типа сферы-источника метафорической экспансии, в рамках которых формируются метафорические номинации понятийной области «Природная катастрофа».

На **пятом этапе** выявленные метафорические модели подвергаются дальнейшей дифференциации на подмодели. Далее модели и подмодели характеризуются по набору оснований уподобления сфер-источников и сфер-мишеней. Таким образом, появляется набор признаков, актуальный для характеристики понятийной области «Природная катастрофа» при актуализации различных сфер-источников.

На **шестом этапе** происходит обобщение признаков метафорического уподобления, выявленных в рамках метафорических моделей, определяется набор признаков, актуальных при образной характеристике понятийной области «природная катастрофа» в русскоязычном экологическом дискурсе в сопоставлении с особенностями актуализации понятийной области «природная катастрофа» в китайскоязычном экологическом дискурсе. Определяется степень общности и различия образа «природной катастрофы» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

2.1. Метафорическое моделирование понятийной области «Природная катастрофа» в русскоязычном экологическом дискурсе

На современном этапе развития когнитивной науки лингвистика уделяет особое внимание роли образности в языковой картине мира. Метафора, обладая миромоделирующим потенциалом, формирует целостные фрагменты картины мира. Структура концептуальной метафоры акцентирует внимание на лежащем в ее основе аналогическом уподоблении одной понятийной сферы в терминах другой [40, с. 467]. Метафора представляет собой когнитивный механизм объединения двух понятийных сфер, где одна понятийная сфера (сфера-мишень) реализована в терминах другой понятийной сферы (сфера-источник) на основе аналогии. Таким образом, концептуальная метафора воплощена в языковых метафорических моделях.

В фокусе данной работы оказывается совокупность метафор, сферой-мишенью которых является понятийная сфера «Природная катастрофа». Наряду со сферой-мишенью также выявляются понятийные сферы, через призму которых осуществляется осмысление специфики интерпретации природной катастрофы в экологическом дискурсе.

Материалом для исследования послужили 75 метафорических единиц, полученных приемом сплошной выборки из научных статей журнала «Экология и жизнь» [41] а также статей, опубликованных на сайтах Ассоциации Защиты окружающей среды [42], Министерства Защиты Окружающей среды [43] и Экологического аудита [44] и Великие катастрофы в истории Земли [45].

В проанализированном материале было выявлено две метафорические модели: «Природная катастрофа – живое существо» (34 метафорические единицы) и «Природная катастрофа – война» (41 метафорическая единица).

Далее перейдем непосредственно к анализу метафорических моделей русскоязычного экологического дискурса.

2.1.1. Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо»

Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо» представлена 34 метафорическими единицами, в ней взаимосвязанными оказываются две понятийные области: сфера-мишень и сфера-источник. Сфера-источник, как область хорошо знакомая, выступает для формирования понятий неисследованной области – сферы-мишени. Сфера-мишень в данной метафорической модели обозначена как «Природная катастрофа». Под природной катастрофой мы понимаем «катастрофическое природное явление, которое может вызвать нарушение нормальной деятельности населения, человеческие жертвы, значительный материальный ущерб и другие тяжёлые последствия. Природные катастрофы, наряду с авариями, стихийными и экологическими бедствиями, массовыми инфекционными заболеваниями, относятся к чрезвычайным ситуациям. В основе большинства чрезвычайных ситуаций лежит дисбаланс между деятельностью человека и окружающей средой»[46]. Сферой-источником служит концептуальная область «Живое существо», объединяющая человека и представителей животного мира.

Антропоцентрический подход, утвердившийся в языкознании, сосредоточивает своё внимание на человеке, его языковом поведении, когнитивных процессах, происходящих в актах коммуникации. Человек всегда отождествлял себя с природой, чувствовал себя ее частью, с помощью образов природы он пытался понять и осмыслить общественную жизнь, свое место в природе, а так же свое отношение к ней. Человек познает природу через собственное видение, отождествляя с природой сначала себя, а потом по аналогии находя сходства со всеми живыми существами в целом. Концептуальная метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо» относится к системе антропоморфных интерпретаций внешнего мира по отношению к человеку. На уровне подсознания и психики человек

объединяется с живыми организмами, однако такие свойства, как интуиция, логика, речь, интеллект, воображение, характерны исключительно для человека.

Природная катастрофа – это природное явление, которое действует самостоятельно, руководствуясь лишь своими стремлениями, это объединяет ее с человеком. Некоторые действия природных катастроф настолько разнообразны, что позволяют им приписать психическую ментальную деятельность.

Охарактеризуем содержание метафорической модели «Природная катастрофа – живое существо» через набор частных подмоделей, актуализирующих разные аспекты аналогического уподобления.

Подмодель **«Действия природной катастрофы – физиологические состояния и действия живого существа»** представлена 16 метафорическими единицами: переварить, дремать, глотать, подрагивать, пожирать, проглотить, поглотить, потреблять, проедать, спать, съесть, заглотить, вырастать, содрогнуться, сожрать, проснуться.

Человек с древних времён метафорически концептуализирует окружающую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических действий и потребностей, своего поведения и поступков. Уподобление катастрофических природных явлений физиологическим процессам живого существа основывается на аналогии действия.

В рамках данной подмодели физическое состояние природной катастрофы уподобляется физиологическим состояниям и действиям человека. В первом случае метафора возникает при переносе процесса, свойственного живому существу, на процесс, происходящий во время природной катастрофы. Приведем некоторые примеры:

Все системы биосферы пытаются «переварить» проникающие в нее чуждые ей объекты. Переварить – «переработать в процессе пищеварения (о желудке), усвоить, воспринять» [47] ⇒ переварить – «подвергнуть сильному воздействию, чтобы сделать своей частью».

Не считаясь с силами природы, что дремлют в толще камня. Дремать – «находиться в состоянии полусна» [47] ⇒ дремать – «находиться в состоянии покоя, находиться без действия». В данном примере, уподобляя состояние сил природы физиологическому состоянию живого существа, метафорически передается, что силы природы находятся в состоянии бездействия, но в любую минуту они могут проснуться, выйти из спокойного состояния и начать действовать.

Стихия сразу не улеглась. В этом контексте состояние стихии образно интерпретируется при помощи глагола физиологического действия *улегься* – «лечь, найдя удобное положение, спокойно расположившись» [47] ⇒ *улегься* – «остановиться, прекратить свои действия, утихнуть, закончиться».

В 5 час. 20 мин. земля вздрогнула; ее первая судорога длилась почти десять секунд, Земля продолжала содрогаться. При интерпретации состояния земли посредством обозначения физиологического процесса, который является проявлением ненормального физиологического состояния, «вздрагнуть, судорога», компоненты прямого значения лексем *вздрагнуть* – «внезапно содрогнуться, дернуться» [47] и *судорога* – «непроизвольное сокращение мышц (от боли, холода, при некоторых заболеваниях или душевных страданиях); конвульсия» [47] становятся основанием для метафорического переосмысления. В данном случае актуализируется значение резкого, повторяющегося движения.

Таким образом, образ природной катастрофы представляется в качестве живого существа, которому присущи физиологические характеристики человека.

Подмодель «**Движение природной катастрофы – двигательная деятельность живого существа**» представлена 16 метафорическими единицами: идти, остановиться, плыть, доходить, наступать, выйти, перешагнуть, обойти, отскочить, шагать, прийти, двигаться, передвигаться, понестись, пройти, перебраться.

При метафорическом моделировании образа природной катастрофы на основе сферы-источника «живое существо» продуктивными являются образы,

основанные на уподоблении катастрофических явлений физическим действиям человека/ животного. Перемещение катастрофических явлений в пространстве метафорически интерпретируется через образ движения человека в пространстве.

С помощью глаголов, которые показывают способы перемещения живых существ, интерпретируется перемещение природных явлений, природных катастроф в пространстве. Рассмотрим некоторые примеры:

Льды так и не дошли до месторождений, которым начали было наносить урон. Дойти – «двигаясь в каком-л. направлении, достичь какого-л. места» [47] ⇒ дойти – «достигнуть».

Земная кора поднялась вверх, но ровно и медленно, без внезапных толчков. Подняться – «переместиться вверх или принять более высокое положение» [47] ⇒ в данном случае говорится о начале землетрясения, имеется в виду, что земная кора пришла в движение.

Спустя 19 мин. после первого удара земля опять пришла в движение. Движение (см. двигаться) – «передвигаться, перемещаться» [47] ⇒ землетрясение началось, земля начала двигаться, физиологическое состояние земли изменилось из состояния покоя на состояние движения.

Подмодель «Звучание природных катастроф – звуки, издаваемые живым существом» включает в себя 2 метафорические единицы: гудеть, стонать.

В данной подмодели представлены метафорические единицы, значение которых представляет собой звучание живых существ.

Земля глухо гудела, стонала, горбилась под ногами и волновалась, образуя глубокие трещины. Гудеть – «издавать длительный однотонный звук»; стонать – «издавать протяжный жалобный звук, издаваемый человеком от боли или при сильном горе» [47] ⇒ трещины для земли сравнимы с ранами на теле живого существа, они болят, и от этой боли живое существо издает стоны, так и земля,

имея трещины, испытывает боль и издает звуки. Способность издавать звуки живым существом метафорически переносится и на природные явления.

Итак, моделирование выявленного метафорического фрагмента экологического дискурса «Природная катастрофа» осуществляется на основе уподобления живого существа, при этом в большинстве контекстов человек и животное рассматриваются как биологические существа и не противопоставляются друг другу. Базовыми выявленными признаками оказались признаки, выражающие физиологические процессы и поведение.

2.1.2. Метафорическая модель «Природная катастрофа – война»

Метафорическая модель «Природная катастрофа – война» представлена 41 метафорической единицей. В данной метафорической модели представлена военная метафора. Образно природная катастрофа интерпретируется как противник, который постоянно нападет и приводит к жертвам. Сферой-мишенью является природная катастрофа, а сферой-источником – война.

Природная катастрофа сравнивается с нападением врага, врага, который беспощаден, силен и жесток, который не знает преград в достижении своих целей.

Война может быть определена как политический конфликт нескольких сторон за власть или территории; война – это разрушенная прежняя жизнь, ранения, смерти, постоянный страх за жизнь, потери.

Борьба может определяться как схватка двоих противников, в которой каждый из них пытается установить контроль над другим, пресечь дальнейшие действия соперника, в практическом плане – это причинение травм, повреждений и даже смерти противнику, в результате борьбы один из соперников должен сдаться и сойти с дистанции.

Метафора войны основывается на военном опыте человека, на том, как он представляет и видит нападения противника, его силу. С помощью этих

представлений моделируется метафорическая модель «Природная катастрофа – война».

Сфера-источник «война» представляет набор признаков, присущих военным действиям и последствиям войны, поэтому мы выделяем две подмодели – «Действия природных катастроф – военные действия», «Последствия природных катастроф – последствия войны». Метафорические единицы характеризуют природные катастрофы в рамках боевых действий, которые происходят между человеком и природой, а также представляют результат войны, жертвы и разрушения, нанесенные природными катастрофами.

Подмодель «**Действия природных катастроф – военные действия**» охватывает 28 метафорических единиц: биться, драться, ударить, выстрелить, смести, рвать, метать, отбить, убить, мстить, испугать, обессилить, захватить, овладеть, накинуться, буйствовать, разрушать, захватить, наступать, бороться, давить, калечить, вооружаться, нападать, атаковать, пробить, вторгнуться, пробраться, нападать.

При метафорическом моделировании понятийной области «Природная катастрофа», природные катастрофы интерпретируются как противники человека, которые бьются с ним не на жизнь, а на смерть:

Природа билась с человеком. Биться – «сражаться, драться» [47] ⇒ природа причиняет физическую боль человеку, наносит удары, действия природы направлены против человека.

Землетрясение нанесло страшный удар, который низвергнул на землю остатки городов, вызвал сильные обвалы в Кораксе, Парнаксе, Кирфисе. Удар (см.ударить) – «нанести кому-л. удар, причинив боль» [47] ⇒ удар – «толчок, известивший продолжение землетрясения после паузы». В основу уподобления положен признак разрушительного действия. Как предмет, разрушаясь при ударе, может расколоться, распасться на осколки либо мелкие предметы, так и сооружения на поверхности Земли при ударе стихии теряют свою целостность, превращаются в обломки, остатки.

Природные катастрофы, как настоящие солдаты используют оружие:

Оползень “выстрелил” разжиженные отложения в долину Саут Нэйшн, заполнил ее на глубину порядка 15м., разогнал волну высотой 2-3м. и создал дамбу, которая была пропилена рекой тем же летом. Стрелять – «производить выстрелы; убивать из огнестрельного оружия» [47] ⇒ глагол «выстрелить» в метафорическом значении говорит о быстроте действия. Метафорическое моделирование строится на актуализации признака внезапного и быстрого действия, характерного природной катастрофе.

Будучи жестоким и кровожадным врагом, действия природных катастроф беспощадны:

И тотчас же сюда рухнула бурлящая водная стена высотой около шести метров, сметая все, что попадалось на ее пути на протяжении почти одного километра от русла реки. Смести – «метя, сгрести в одно место, в кучу» [47].

Во время войны армии применяют различные виды оружия, используя, например, бомбы, они уничтожают все, что находится в радиусе нескольких метров, так и природная стихия, используя большие потоки воды в качестве оружия, разрушает все, что стоит у нее на пути. В основу метафорического уподобления положен визуальный признак продвижения войска по территории.

Вздымалась пыль, ветер рвал ее, бросал ею в безумные глаза, осыпал раны, надевал на окровавленные лица ужасные маски, и едва порыв ветра с воем и ревом разносил одну тучу пыли, падало здание, и снова взрывался к облакам огромный, удушливый серый клуб и катились по улицам камни, отбивая людям ноги. Рвать – «резким движением разделять на части»; отбить – «ударом (ударами) отколоть, отделить от чего-л» [47] ⇒ ветер словно человек руками рвет бумагу, камни отбивают ноги людям – наносят удары, повреждая их.

Люди бросаются на землю, и приникая к лужам мутной, насыщенной известью воды, жадно пьют, сосут ее, целуя землю, убивающую их. Убивающая (см.убить) – «лишить жизни, умертвить» [47] ⇒ убить – «уничтожить, погубить», земля представляется в качестве убийцы, лишаящей жизни людей.

Были выявлены метафоры, представляющие признак возвратного действия, выраженные глаголами мстить, пугать, обессилить.

Ожила, восстала мертвая материя и, торжествуя в слепой и глупой силе своей, жестоко мстит человеку за его победы над нею, хочет навсегда испугать его и обессилить непокорный враждебный дух — пятую стихию, самую великую, наиболее богатую творчеством... Мстить – «намеренно причинять зло с целью отплатить за оскорбления, обиды и т. п.»; испугать – «вызвать испуг, заставить бояться»; обессилить – «лишить сил, сделать бессильным» [47]. Метафоры показывают, что посредством природных катастроф природа как бы мстит человеку за его действия по отношению к ней, запугивает его, пытается показать свое превосходство.

На войне сильный соперник захватывает территории, а слабый отступает, так и природные катастрофы захватывают территории людей, а человеку ничего не остается кроме как отступать и покидать свои земли:

Подземные толчки, обвалы горных масс и оползни захватили площадь свыше 200 тыс. км². Захватить – «взять силой; овладеть». [47] ⇒ захватить – «распространиться на большую площадь»

Подмодель «**Последствия природных катастроф – последствия войны**» репрезентирована 12 метафорическими номинациями: унести жизни, погибнуть, оставить без крова, разрушить, пострадать, обратить в руины, нанести ущерб, нанести урон, вызвать угрозу, принести смерть, обрушиться, поразить.

Борьба с природными катастрофами обычно бывает проигрышной, последствия войны разрушительны и опустошительны, насчитываются тысячи смертей, жертв, ущерб, природа наносит огромный ущерб и в материальном, и в моральном плане. Борьба с природой превращается в войну против природы, в этом и заключается метафорика данной модели.

Метафорическое моделирование строится на уподоблении разрушительного воздействия катастрофического природного явления последствиям военных действий. Приведем некоторые примеры:

Природные катастрофы, как и завершившиеся военные действия, оставляют после себя разрушенные города, улицы, дома:

Землетрясение в Скопье (макед. Скопски земјотрес), столице Социалистической Республики Македонии произошло 26 июля 1963 года и разрушило большую часть города. Разрушить – «уничтожить руша, ломая» [47] ⇒ разрушить – «превратить в развалины, в руины».

Землетрясение разрушило и серьезно повредило примерно 75% жилых домов. Разрушить – «уничтожить руша, ломая»; повредить – «нарушить целостность, исправное состояние чего-л., испортить (поломать, поранить и т. п.)» [47] ⇒ землетрясение будто человек превратило в руины дома, поломало, привело к их исчезновению в качестве жилых зданий. Дополнительно актуализируется признак предназначения/функции предмета. Целостный предмет может быть использован по своему назначению, например, из целой чашки можно выпить воды, в то время как из расколотой чашки это сделать невозможно, вода будет выливаться. Метафорическое уподобление глаголов разрушить, повредить также актуализирует невозможность использования предметов по их прямому назначению: в разрушенных домах жить невозможно.

За грохотом последовал главный удар, почти полностью разрушивший постройки. Ударить – «нанести кому-л. удар, причинив боль»; разрушить – «уничтожить руша, ломая» [МАС] ⇒ удар превратил постройки в руины.

Цветущие города Мессина, Реджо-ди-Калабрия и окрестные селения были полностью разрушены. Разрушить – «уничтожить руша, ломая» [47]. *Были уничтожены мосты, леса, завалены туннели.* Уничтожить – «прекратить существование кого-, чего-л.; истребить» [47]. *Почему природные катастрофы Земли почти за четырехмиллиардный период геологической истории не разрушили до сих пор биосферу.* Разрушить – «уничтожить руша, ломая» [47]. Глагол «уничтожить» показывает разрушительную силу природной катастрофы, в каждом из примеров видно, что действия приводных катастроф приводят к разрушениям, природная катастрофа превращает в руины все, что становится у нее на пути, лишает дальнейшего существования.

На севере цунами сметаёт не только машины, но и дома. Десятки машин куда-то несутся по волнам. Смести – «метя, сгрести в одно место, в кучу». [47] ⇒ смести – «уничтожить, стереть с лица земли»

Метафорическую интерпретацию получает природная катастрофа посредством лексем, выражающих агрессивное поведение человека:

Лесные пожары, загрязняющие окружающую среду, наносят большой ущерб растительному и животному миру. Ущерб – «потери, причиненные кому-л.; урон» [47] ⇒ лесные пожары наносят урон всему окружающему их миру.

В это время разразился новый сильный удар, окончательно разрушивший город Анфисса, частью сохранившийся после катастрофы 1 августа. Удар (см.ударить) – «нанести кому-л. удар, причинив боль»; разрушить – «уничтожить руша, ломая». [47] ⇒ город перестал существовать, стихия стерла его с лица земли, превратив высокие сооружения в обломки, остатки зданий.

За четверть часа землетрясение стёрло с лица земли городок Спитак и превратило в руины Ленинакан, город с населением 250 000 человек. Стереть – «удалить что-л. с поверхности, уничтожить, изгладить» [МАС] ⇒ стереть – «уничтожить, лишит дальнейшего существования»

Природные катастрофы наносят непоправимый вред, они уносят жизни людей, как и на войне, число жертв просто огромно:

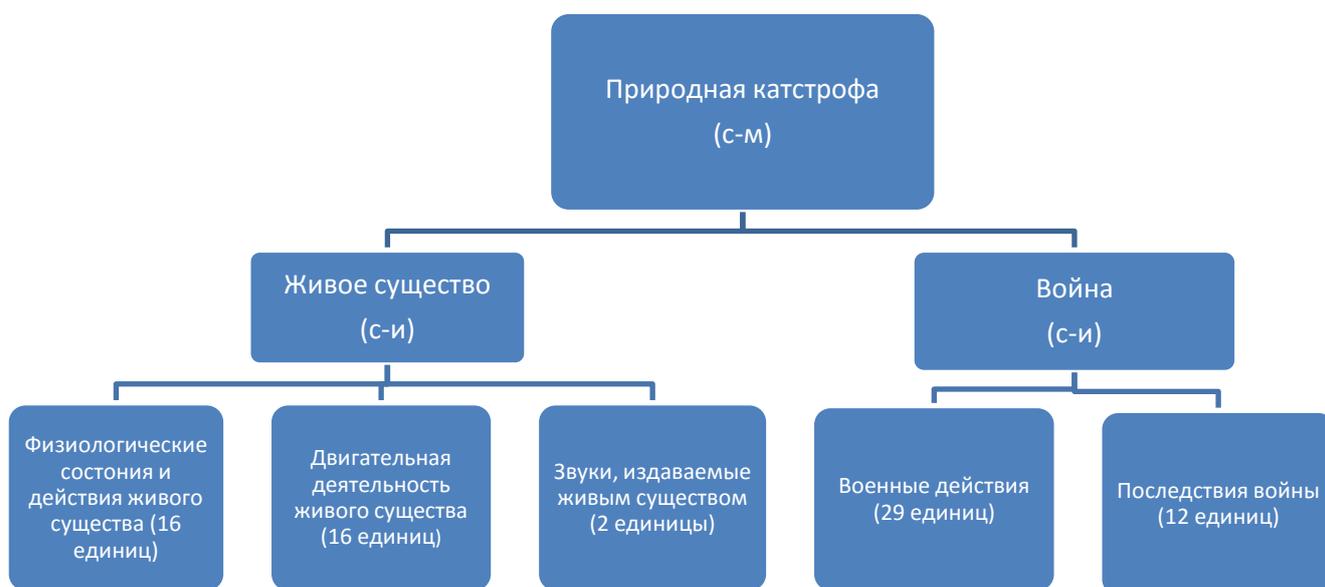
Эти катастрофические процессы унесли с середины XIXв. 33 жизни. Унести жизни – «лишить жизни» [47] ⇒ результатом действия природных катастроф является то, что они уносят жизни людей, приводят к их гибели.

Грандиозный тропический циклон, сопровождавшийся скоростью ветра до 350 км/ч принес смерть более 300 тыс. жителей Бангладеш и оставил без крова около 3,6 млн. человек. Принести смерть – «привести к прекращению существования человека, животного», оставить без крова – «лишить дома, жилища» [47] ⇒ циклон привел к гибели большого числа людей, из-за циклона выжившим людям больше негде жить, он разгромил их жилища.

Землетрясение привело к гибели 1 070 человек, около 3 000 получили ранения. Гибель (см.погибнуть) – «подвергнуться уничтожению, полному разрушению (обычно при катастрофе, бедствии и т. п.); ранить – «нанести (наносить) кому-л. рану (раны); причинить (причинять) кому-л. душевную боль, страдание». [47] ⇒ землетрясение привело к прекращению существования большого числа людей, в результате землетрясения они трагически погибли, а также землетрясение покалечило большое число людей, заставило их испытывать боль.

Итак, моделирование выявленного метафорического фрагмента экологического дискурса «Природная катастрофа» осуществляется на основе уподобления войне. Действия, как и последствия войны для побежденной стороны плачевны, в данном случае в качестве побежденной стороны выступает человек, а природа всегда выступает агрессором. Природные катастрофы будучи безжалостным врагом оставляют после себя разрушение и смерть. Базовыми выявленными признаками оказались признаки, выражающие военные действия и последствия войны.

Схема 1. Типы метафорических моделей понятийной области «Природная катастрофа» в русскоязычном экологическом дискурсе.

Таким образом, в русскоязычном экологическом дискурсе нами были выявлены две продуктивные метафорические модели, характеризующие понятийную область «Природная катастрофа»: «Природная катастрофа – живое существо» и «Природная катастрофа – война», что представлено в схеме 1. Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо» характеризуется уподоблением признаков живого существа действию природной катастрофы, катастрофические явления уподобляются физиологическим процессам живого существа на основе аналогии действия. Метафорическая модель «Природная катастрофа – война» представлена наибольшим количеством метафорических единиц. В данной модели природная катастрофа образно интерпретируется как враг, противник человека, который постоянно нападает и приводит к жертвам и одерживает победу над ним.

2.2. Метафорическое моделирование понятийной области «Природная катастрофа» в китайскоязычном экологическом дискурсе

Рассмотрим метафорические модели понятийной области «Природная катастрофа», характерные для китайскоязычного экологического дискурса.

Материалом для исследования послужили 52 метафорических единиц, полученных приемом сплошной выборки из 20 статей журнала «Китайский журнал экологии» («生态学杂志») [48], 13 научно-популярных статей с официального сайта Министерства водных ресурсов (中华人民共和国水利部) [49] и с сайта «Центра данных о ресурсах и исследованиях в области окружающей среды» («中国科学院资源环境科学数据中心») [50], 5 новостных статей из «Народной газеты» («人民日报») [51] на китайском языке.

Согласно толковому словарю китайского языка природная катастрофа также известная, как стихийное бедствие, злой день, небесная кара, наводнение и засуха относится к аномалиям, которые происходят в природе, это аномальное явление приносит вред растениям, животным и человеческому обществу (自然灾害, 又稱為自然災難、天然災難、天然災害、天災、天禍、天患、災荒, 指自然界中所发生的异常现象, 这种异常现象會给周围的生物和人社会造成灾害) [52].

Как мы видим, в целом понятие природной катастрофы в китайской лингвокультуре не противостоит пониманию природной катастрофы в русском языке, объем понятийной области «Природная катастрофа» в обеих лингвокультурах в большей степени совпадает.

В проанализированном материале было выделено две метафорические модели: «Природная катастрофа – живое существо» (28 метафорических единиц) и «Природная катастрофа - война» (24 метафорические единицы).

Далее перейдем к анализу каждой метафорической модели китайскоязычного экологического дискурса.

2.2.1. Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо»

Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо» включает в себя 28 метафорических единиц, в ней выступают две понятийные сферы, взаимосвязанные между собой: сфера-мишень – «природная катастрофа» и сфера-источник – «живое существо»

Метафорическая модель реализуется в ряде подмоделей, каждая из которых высвечивает определенные признаки данной концептуальной сферы, образно представленные через образ живого существа.

Охарактеризуем содержание метафорической модели «Природная катастрофа – живое существо» через набор частных подмоделей, актуализирующих разные аспекты аналогического уподобления.

Подмодель «**Действия природной катастрофы – физиологические состояния и действия живого существа**» охватывает 12 метафорических единиц: 吞噬 *tūnshì* (пожирать, проглотить), 吞没 *tūnmò* (проглотить), 肆虐 *sìnüè* (бушевать), 吞下 *tūn xià* (заглотить), 安静 *ānjìng* (успокоиться), 笑 *xiào* (смеяться), 咽下 (проглотить), 咬穿 (проесть), 打盹 (дремать), 冷惊 (вздрагивать), 使气 (разбушеваться), 长大 (вырасти).

Человек и животное – это часть природы, долгое время они жили в единении с природой, подчиняясь ее законам, так же, как и природа принимала животных и людей. Вследствие этого некоторые природные явления стали отождествляться с жизнью живого существа, его физиологическими процессами:

水团吞噬水坝的波峰与它的救援队。 *Shuǐ tuán tūnshì shuǐbà de bōfēng yǔ tā de jiùyuán duì.* (Водные массы **пожирают** гребни дамб и увлекают за собой спасательные команды). 吞噬 – «吞吃; 吞咽» (пожирать – «глотать, проглотить» [52]. ⇒ Водные массы представляются как организм живого существа, а гребни дамб и спасательные команды рассматриваются в качестве его пищи, обычно объем пищи незначителен по сравнению с

размером организма, который ею питается. В данном примере водные массы настолько большие, что спасательные команды просто незначительны на их фоне. Таким образом, процесс, характеризующий природную катастрофу показывается через действия живого существа.

Рассмотрим несколько примеров, содержащих глагол «поглотить», он метафорически репрезентирует процесс разрушения имущества людей, стирания его с лица земли:

城市的居民说, 水吞噬他们所有的财产。Chéngshì de jūmín shuō, shuǐ tūnshì tāmen suǒyǒu de cáichǎn. (Жители города рассказывают, что вода **поглотила** все их имущество). 吞噬. – «吞吃; 吞咽» (поглотить – «глотать, проглотить»)

[52]. Вода вобрала в себя имущество, все имущество людей оказалось накрыто водой, размер имущества по сравнению с водой во время наводнения незначителен, вода с легкостью может присвоить его себе.

洪水袭击海滩和村庄, 它吞没了房子和汽车。Hóngshuǐ xíjī hǎitān hé cūnzhuāng, tā tūnmòle fángzi hé qìchē. (Наводнение обрушилось на пляжи и деревни, оно **заглотило** дома и машины.) 吞没 – «谓将他人或公共的财物据为己有»

(заглотить – «присвоить себе имущество других лиц») [52]. Все, что окружает стихию – не помеха для нее, все, что меньше нее, она присвоит себе, что отражено в данном примере с деревнями, домами, машинами.

大地张开嘴, 吞下超过百大楼。Dàdì zhāng kāi zuǐ, tūn xià chāoguò bǎi dàlóu. (Земля **раскрыла пасть** и **заглотила** более сотни зданий.) 嘴 – «本作“觜”, 鸟喙, 后泛指人和一切动物的口»

(пасть – «рот, клюв, указывает на рот людей и животных»); 吞下 – «咽下» (заглотить – «глотать») [52]. Обычно мы

употребляем слово пасть, когда говорим о хищных животных, будучи злыми и разъяренными, они раскрывают пасть, когда хотят кого-то съесть либо напасть и укусить, разорвать зубами жертву. При метафорическом моделировании землетрясение подобно хищному зверю, который заглатывает свою добычу, здания падают в расщелины земли. В данном примере определение слова 嘴(пасть) толкового словаря китайского языка

подтверждает принадлежность данной единицы к метафорической модели «Природная катастрофа – живое существо», так как указывает на признак присущий исключительно живому организму. Уподобление землетрясения хищному зверю усиливается с помощью визуального образа, расщелины в земле представляются как открытая пасть.

Нами были выявлена следующая группа метафор, представляющая природные явления, характерные понятийной области «Природная катастрофа». Данные явления наделяются способностями, свойственными человеку – успокаиваться, смеяться и тд. Приведем примеры:

土地不能安静下来。Tǔdì bùnéng ānjìng xiàláí. (Земля не **успокаивается**.) 安静 – «安定, 平静» (успокаиваться – «стабилизироваться, умиротворяться» [52].

Глаголом состояния «успокаиваться» метафорически представляется, что землетрясение не заканчивается, земля все еще содрогается.

水笑人的无奈。Shuǐ xiào rén de wú nài. Вода **смеется** над человеческой беспомощностью. 笑 – «显露愉悦的表情, 发出欣喜的声音» (смеяться – «проявлять радость, издавать радостный звук») [52]. Вода пренебрегает человеческой беспомощностью, не знает страха перед ней. В основе метафорического уподобления лежит слуховой образ: звук плеска воды метафорически уподобляется смеху человека.

Так при описании природных бедствий нередко действия природы представляются, как действия живого существа (животного или человека). Данная подмодель олицетворяет признаки природных катастроф в физиологическом состоянии и действиях живого существа.

Подмодель «**Движение природной катастрофы – двигательная деятельность живого существа**» репрезентирована 10 метафорическими единицами: 停(остановиться), 下(идти), 出去 (выходить), 跨过 (перешагнуть), 漫出 (разлиться), 走到 (дойти), 飞逝 (нестись), 移动 (двигаться), 跳开 (отскакивать), 走 (идти).

Перемещение природной катастрофы в пространстве метафорически интерпретируется через образ движения животного или человека в пространстве.

差不多了一个小, 雨于小了下来, 又了一会儿, 雨于停了。 *Chàbùduōle yīgè xiǎo, yǔ yú xiǎole xiàláile, yòule yīhuǐ'er, yǔ yú tíngle.* (Почти через час дождь уменьшился, а еще немного позже наконец **остановился**.) 停 – «停止» (остановиться – «прекратить, прерваться») [52]. ⇒ остановиться – «полное прекращение, отсутствие движения».

滂沱大雨已经下了几天了。 *Pāngtuó dàyǔ yǐjīng xiàle jǐ tiānle.* Дождь **шел**, не останавливаясь, уже несколько дней. 下 – «降下; 降落» (идти) – «спускаться, падать» [52] ⇒ идти – «продолжаться, не прекращаться».

При описании движения природных катастроф используются глаголы, называющие передвижение живого существа в пространстве:

一些河流干涸, 其他的洪水发生的时候经常**溢出**河岸。 *Yīxiē héliú gānhé, qítā de hóngshuǐ fāshēng de shíhòu jīngcháng yìchū hé'àn.* (Некоторые реки высыхают, а другие во время наводнения **выходят** из берегов.) 溢出 – «чутье某个容器并向外流出» (выходить – «покидать пределы») [52].

众所周知, 奥德心甘情愿地**漫出来**了。 *Zhòngsuǒzhōuzhī, ào dé xīngān yīyàng de màn chūláile.* (Общеизвестно, Одер охотно **выходит** из берегов.) 出来 – 从里面到外面来(выходить – «перемещаться из внутренней части во внешнюю»). [52]. Когда живое существо «выходит» из какого-то места, предполагается, что оно из одного места перемещается в другое, так и реки, выходя из берегов, из водоема переходят на землю и заполняют ее за пределами водоема. Выходить означает, что живое существо переходит из одного места в другое, так и воды рек перемещаются из водоема и распространяются на всем пространстве вокруг водоема.

Данная подмодель представляет метафоры, характеризующие двигательную деятельность живого существа. Осмысление и описание

природной катастрофы происходит по аналогии с действиями живого существа. Стихийные действия отождествляются с живым существом и становятся производителями действий. При метафорическом моделировании воздействия природной катастрофы репрезентируются посредством лексем, обозначающих движение, которые присущи живому существу: остановиться, отступить, выйти и т.д.

Подмодель «Звучание природных катастроф – звуки, издаваемые живым существом» состоит из 2 метафорических единиц: 咆哮 (реветь) и 呻吟 (стонать).

Данная подмодель включает метафорические единицы, значение которых представляет собой звучание живых существ. Звуки, порождающиеся природными явлениями, уподобляются звукам, издающим живыми существами.

大地咆哮像一只受伤的动物。Dàdì páoxiǎo xiàng yī zhǐ shòushāng de dòngwù.
(Земля **ревела** как раненый зверь.) 咆哮 – «常形容人的暴怒或恣肆» (реветь – «громко вопить, обычно описывает ярость или боль человека») [52].

长时间人们哭泣和尖叫，但土地也遭遇，她呻吟痛苦。Cháng shíjiān rénmen kūqì hé jiān jiào, dàn tǔdì yě zāoyù, tā shēnyín tòngkǔ.
(Долгое время люди плакали и кричала, но земля также страдала, она **стонала** от боли). 呻吟 – «指因痛苦而发出的声音» (стонать – «указывает на звук, издаваемый из-за мучений, страданий») [52]. Живые существа стонут, когда им причинили физическую или, говоря о человеке, душевную боль, стон – это состояние, когда живое существо не может сдержать эмоций, и ему нужно выплеснуть их через звук. Во время землетрясения происходят разрывы земной коры, земле становится «больно» и она ревет. В процессе метафоризации вовлекается представление о боли и ее воздействии на организм.

Итак, метафорическое моделирование данной подмодели базируется на уподоблении звуков, издаваемых живым существом при ощущении боли,

мучения, звукам, возникающим во время землетрясения и других природных катастроф.

Подмодель «**Действия природной катастрофы – созидательные действия человека**» охватывает 4 метафорические номинации: 出生 (дать жизнь), 产生力量 (создавать силы), 礼物 (подарок), 保存 (спасти).

В китайскоязычном экологическом дискурсе можно встретить примеры, в которых природные катастрофы характеризуются с положительной стороны, они существуют не только чтобы разрушать, но и чтобы созидать. Например, заслуга землетрясений – это создание нового ландшафта земной поверхности:

*地震产生的力量负责千山万水的出现，他们创造地球表面的图片。Dìzhèn chǎnshēng de lìliàng fùzé qiān shān wàn shuǐ de chūxiàn, tāmen chuàngzào dìqiú biǎomiàn de túpiàn. (Землетрясение **создает силы**, которые отвечают за возникновение гор и морей, они создают картину земной поверхности.) 产生 – «从已有的事物中形成新事物» (создавать – «формировать что-то новое из уже существующего») [52]. Человек обладает способностью создавать новые вещи, делая что-то своими руками. Землетрясение тоже может обладать такой способностью, способностью созидания гор, морей. Образ, задействованный в процессе метафоризации – «создатель».*

В некоторых случаях, люди понимают, что природные катастрофы могут им помогать, они могут выступать в качестве спасителей людей, например, от засухи, голода:

*可以说，五年前夏季洪水**保存**了收获。Kěyǐ shuō, wǔ nián qián xiàjì hóngshuǐ bǎocúnle shōuhuò. (Можно сказать, что 5 лет назад во время летнего сезона наводнение **спасло** урожай.) 保存 – «保管收存» (спасти – «сохранить существование») [52]. Глагол «спасать» имеет положительную коннотацию, мы употребляем глагол «спасать», когда кто-то или что-то находится в затруднительном положении и не может обойтись без помощи. В данном*

примере урожай находится под угрозой, его нужно спасти, примечательно, что спасает его не человек, а стихийное наводнение. Образ, задействованный в процессе метафоризации – «спасатель».

Природа метафорически представляется как мать, дающая жизнь:

大海出生岛与吞噬它。Dàhǎi chūshēng dǎo yǔ tūnshì tā. (*Море дает жизнь островам и само же поглощает их.*) 出生 – «胎兒从母体中生出来» (дать жизнь – «родить, плод, появившийся из тела матери») [52]. Подобно тому, как мать дает жизнь своему ребенку, так и море «рожает» – на водной поверхности появляются новые объекты (острова).

Итак, в данной подмодели представлены метафоры с положительными концептуальными векторами, которые интерпретируют действия природных катастроф как положительные и созидательные действия человека.

Таким образом, метафорическая модель «Природная катастрофа – живой организм» свидетельствует о том, что сфера «Живое существо» является важным источником концептуализации окружающего мира в сознании человека. Моделирование происходит на основе аналогии признаков и действий живого существа и природной катастрофы. Основными признаками были выявлены физиологические состояния и действия живого существа. Специфичным для китайскоязычного экологического дискурса является то, что природная катастрофа обладает созидательными свойствами, она может создавать, спасать.

2.2.2. Метафорическая модель «Природная катастрофа - война»

Метафорическая модель «Природная катастрофа - война» представлена 26 метафорами. В рамках данной модели природная катастрофа предстает в качестве опасного противника, врага человека, чьи действия несут разрушительный характер и приводят к жертвам и потерям.

По определению толкового словаря китайского языка, война – это вооруженная борьба, которая осуществляется в политических целях (战争 – 为政治目的而进行的武装斗争) [52]. Война – это один из наиболее эффективных способов решения проблем общества. Борьба человека с природными катастрофами метафорически концептуализируется как война с природой. Человек борется с наводнением, пожаром и их последствиями.

Военная метафора базируется на представлении человека о войне, о действиях противника, о том, как нужно вести себя во время войны, чего ждать от противника. Эти представления лежат в основе метафорической модели «Природная катастрофа – война».

Сфера-источник «война» характеризуется такими признаками, как военные действия и последствия войны, что позволяет нам выделить две подмодели: «Действия природной катастрофы – военные действия», «Последствия природной катастрофы – последствия войны».

Подмодель **«Действия природных катастроф – военные действия»** состоит из 14 метафорических единиц: 冲决 (прорвать), 摧毁 (разрушить), 惊恐 (напугать), 猎物 (добыча), 破坏 (уничтожить), 报仇 (мстить), 打击 (нанести удар), 杀死 (убивать), 吓到 (напугать), 残害 (калечить), 消除 (устранить), 侵占 (захватить), 打伤 (отбить), 破坏 (рушить).

Перейдем к анализу метафорических контекстов.

自然打击, 导致成千上万的人死亡, 摧毁了城市, 无尽的苦难。 Zìrán dǎjī, dǎozhì chéng qiān shàng wàn de rén sǐwáng, cuīhuǐle chéngshì, wújìn de kǔnàn. (Природа **нанесла удар**, что привело к сотням тысячам погибших, разрушены города, бесконечное страдание.) 打击 – «攻击, 敲打» (нанести удар – «атаковать, бить» [52]. Подобно тому, как армия наносит удар противнику, используя оружие и боеприпасы, так и природа может нанести удар, только ее оружием будет не автомат, а землетрясение, наводнение и другие природные катаклизмы, которые разрушат все на своем пути.

Природные катастрофы представляются как захватчик, они преследуют свои собственные цели и идут до конца. Природные катастрофы персонифицируются в противников, которых невозможно остановить:

水进来, 开始杀戮, 残害和破坏。 *Shuǐ jìnlái, kāishǐ shāilù, cánhài hé pòhuài.* (Приходя, вода начинает убивать, калечить, рушить.) 杀戮 – «大量杀害, 屠杀» (убивать – «массовые убийства, истребления») [52]. В процессе метафоризации создается образ воды-захватчика, который следует своей цели и не останавливается ни перед чем. В данном примере складывается яркая картина происходящего, иллюстрирующая, что наводнение – это не просто природная катастрофа, это противник, наступление которого не остановить, под напором которого трудно устоять.

Во время природных катастроф их действия перемещаются с одного места на другие, точно так же, как и перемещаются войска и армии во время войны:

洪水侵入了城市里。 *Hóngshuǐ qīnrùle chéngshì lǐ.* (В город вторглись водные массы.) 侵入 – «强行进入» (вторгнуться – «насильственное вторжение») [52].

Говоря о войне, обычно армия вторгается в зону своего противника и ведет военные действия на его территории. Вторгнуться означает прийти без предупреждения и разрешения, преследуя цель разбить армию, уничтожить врага, целенаправленное продвижение с намерением нападения, вторжения. Так и во время наводнения вода «вторгается» на территорию без предупреждения, беспощадно сметая все на своем пути.

洪水开辟向市中心。 *Hóngshuǐ kāipì xiàng shì zhōngxīn.* (Водные массы пробивали себе дорогу к центру города.) 开辟 – «打通, 开拓» (пробить – «сделать проходным, проложить») [52]. Во время войны позиции расположения каждой армии четко распределены, и если армия начинает предпринимать наступательные действия на территорию врага, она

пробивает себе дорогу, убивая, опустошая все на своем пути, так и наводнение, пытаясь пробраться дальше, прокладывает себе дорогу, оставляя после себя разрушения. В основу метафорического уподобления положен визуальный признак продвижения войска по территории земли.

Были выявлены метафоры, выраженные глаголами «мстить», «пугать», которые представляют собой человеческие действия, осуществляемые во время военных действий, метафорически представлены как агрессивные действия природных катастроф во время их происхождения.

可能自然**报仇**人类，洪水，地震，暴风是死人的公使。Kěnéng zìrán bàochóu rénlèi, hóngshuǐ, dìzhèn, bàofēng shì sǐrén de gōngshǐ. (Возможно, природа **мстит** человеку, а наводнения, землетрясения и ураганы – это посланники смерти.) 报仇 – «报复仇恨» (мстить – «свести счеты, ненавидеть») [52]. Мечь – это качество, свойственное только человеку, люди мстят, когда им причинили боль, и они хотят, чтобы другие тоже прочувствовали такую боль. Мечь – это намеренное совершение плохих поступков, которые влекут за собой негативные последствия. Основу метафоризации составляет целенаправленное поведение человека – проявление мести. Человеческая деятельность представляется как вторжение в природу, наносящее ей вред, поэтому природа хочет, чтобы человек тоже прочувствовал на себе это вторжение.

聰明的自然知道怎么使人类**惊恐**，洪水是一种最好的方法。Cōngmíng de zìrán zhīdào zěnmē shǐ rénlèi jīngkǒng, hóngshuǐ shì yī zhǒng zuì hǎo de fāngfǎ. (Умная природа знает, как **напугать** человека, и наводнение – самый лучший способ.) 惊恐 – «惊慌害怕» (напугать – «навести панику, страшиться») [52]. Основанием метафорической концептуализации становится параметр «вызвать чувство тревоги, опасения».

Подмодель «**Последствия природных катастроф – последствия войны**» представлена 10 метафорическими единицами: 失去 (потерять), 苦难

(страдать), 伤亡 (смерть), 损失 (ущерб), 害 (навредить), 冲毁 (разрушить), 危机 (кризис), 销毁 (уничтожить), 杀死 (лишить жизни), 击溃 (разгромить).

Анализ контекстов выявил, что при метафорическом моделировании понятийной области «Природная катастрофа» актуализируется признак «разрушения, причинения вреда и ущерба». В современном обществе все еще сохраняются черты милитаризованного сознания, поэтому и описания природных катастроф пронизаны метафорами войны.

Природные катастрофы выступают в качестве жестоких противников, которые рушат дома людей, забирают их имущество, а также забирают их жизни:

这次的水灾害不少人. Zhè cì de shuǐ zāihài bù shǎo rén. (Это наводнение нанесло **вред** большому числу людей.) 害 – «有损的» (вред – «ущерб») [52]. Когда на войне заканчиваются военные действия, можно в полной мере увидеть вред и ущерб, который война оставила после себя, так и после природной катаклизмы очевидны потери и ущерб, нанесенный в данном случае наводнением.

Природные катастрофы во всех примерах представлены как разрушители, которые наносят вред человеку и всему живому.

灾害给人类和人类赖以生存的环境造成**破坏性**影响. āihài jǐ rénlèi hé rénlèi lài yǐ shēngcún de huánjìng zàochéng pòhuài xìng yǐngxiǎng. (Бедствия создают **пагубное** влияние на людей и окружающую их среду.) 破坏 – «摧毁, 毁坏» (пагубное – «уничтожать, разрушать») [52]. Воздействие стихийных бедствий на людей и окружающий их мир можно охарактеризовать, как разрушительное, уничтожительное, именно так и описываются действия природной катастрофы.

许多村庄被洪水**冲毁**于, 现在洪水引起了全球的注意, 国外的人也给予了援助。 Xǔduō cūnzhuāng bèi hóngshuǐ chōng huǐ yú, xiànzài hóngshuǐ yǐnqǐle quánqiú de zhùyì, guówài de rén yě jǔyǔle yuánzhù.. (Наводнение **разрушило** многие деревни,

привлекло внимание всего мира, люди из-за рубежа пришли на помощь.) 冲毁 – «被水损毁» (разрушить – «ущерб, нанесенный водой») [52]. Разрушения – это закономерные последствия войны, там, где велись военные действия, останется разруха, разрушенные города, здания, деревни, так и после наводнения территория остается разрушенной, как война «разрушает» деревни, так и наводнение.

地震带来灭顶之灾, 雷电发生在顷刻之间, 洪水冲毁人民的家园. Dìzhèn dài lái mièdǐng zhī zāi, léidiàn fāshēng zài qǐngkè zhī jiān, hóngshuǐ chōng huǐ rénmin de jiāyuán. (Землетрясения **приносят много бед**, гроза начинается мгновенно, наводнение **разрушает** людские дома.) 灭顶之灾 – «比喻毁灭性的灾难» (катастрофа – «образное выражение, описывающее разрушительный характер катастрофы»); 冲毁 – «被水损毁» (разрушить – «ущерб, нанесенный водой») [52]. Войны всегда несут с собой разрушения, жертвы, смерти, в сознании людей землетрясения также ассоциируются с подобными признаками, землетрясение считается негативным событием. Метафорическое уподобление строится на уподоблении последствий природной катастрофы последствиям войны.

Разрушительная сила природных катастроф подчеркивается в каждом примере.

强烈的地震造成在居民区极大的**损害**, 地震绝对是**杀手**. Qiángliè dì dìzhèn zàochéng zài jūmín qū jí dà de sǔnhài, dìzhèn jiéduì shì shāshǒu. (Сильное землетрясение нанесло большой **ущерб** в населенных районах, землетрясение – это абсолютные **убийцы**.) 损害 – «使受伤害» (нанести ущерб – «получить травму, быть раненым») [52]. В примере говорится о том, как землетрясение повредило населенные районы, а значит повлияло и на жизнедеятельность людей в данном районе, природные катастрофы олицетворяются в качестве убийц: 杀手 – «以谋杀为职业的人» (убийца – «человек, чья профессия – киллер») [52].

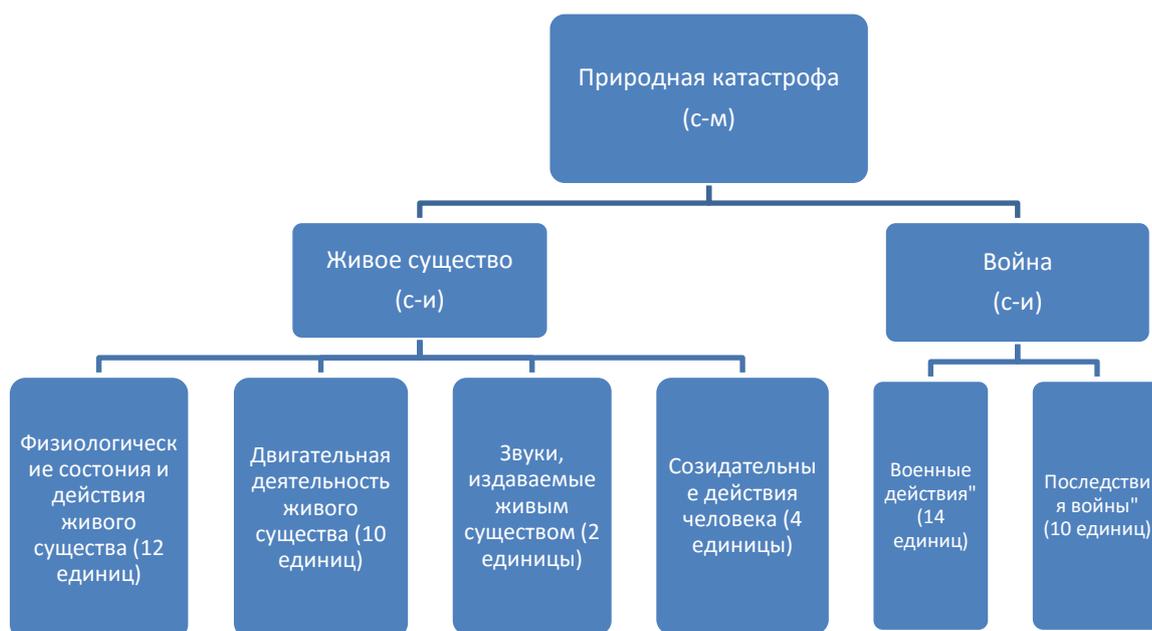
Все, что стоит на пути природных катастроф воспринимается ими как их жертвы, добычи:

海滩上孤独女人的小房子变成了洪水的**猎物**。Hǎitān shàng gūdú nǚrén de xiǎo fángzi biàn chéngle hóngshuǐ de lièwù. (Маленький дом одинокой женщины на берегу моря стал **добычей** воды). 猎物 – «为敌人、猎人或野兽所捕获的牺牲者» (добыча – «то, что добыто охотой, захвачено с боем») [52]. Когда животные или люди идут на охоту, они возвращаются домой с добычей, добыча – это то, что мы добываем путем усилий, то, что захвачено с боем, отнято силой. В данном примере вода – это действующая сила природной катастрофы, вода – это воин, солдат, завоеватель. Основу метафоризации составил признак «завладение трофеем» - домом.

洪水能够**破坏**不仅城市，但整个国家。Hóngshuǐ nénggòu pòhuài bùjǐn chéngshì, dàn zhěnggè guójiā. (Водные массы способны **уничтожить не только города, но и целые страны**). 破坏 – «摧毁, 毁坏» (уничтожить – «разрушать») [52]. Масштаб разрушений в результате войны может достигать невероятных размеров, так и масштаб разрушений от природных катастроф очень велик – от дома, поселения до страны, и тогда трофеем – это целая страна.

Итак, метафорическая модель «Природная катастрофа - война» базируется на уподоблении природной катастрофы войне. Основу метафоризации составили такие признаки как, военные действия и последствия войны. Природные катастрофы обладают разрушительной силой, они приводят к массовой гибели людей, к разрушению их жилищ, зданий, последствия, к которым приводят катастрофические явления, очень масштабны.

Схема 2. Типы метафорических моделей понятийной области «Природная катастрофа» в китайскоязычном экологическом дискурсе.

Таким образом, в китайскоязычном экологическом дискурсе были выявлены две метафорические модели – «Природная катастрофа – живое существо» и «Природная катастрофа - война». В процессе метафоризации понятийной области «Природная катастрофа» в модели «Природная катастрофа – живое существо» актуализируются признаки: физиологические состояния и действия живого существа, двигательная деятельность живого существа, звуки, издаваемые живым существом, созидательные действия человека. В модели «Природная катастрофа – война» – военные действия, последствия войны. При переосмыслении представлений о природной катастрофе задействован признак функционального предназначения воина.

2.3. Сравнительно-сопоставительный анализ метафорических моделей, репрезентирующих природные катастрофы в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе

Для каждого типа дискурса характерны свои метафорические модели, которые и определяют его специфику. В нашем исследовании мы рассматривали понятийную область «Природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

В практической части исследования было проанализировано 75 русскоязычных метафорических единиц и 52 китайскоязычных, выделенных приемом сплошной выборки из 60 научных экологических статей на обоих языках (общий объем составил около 50 тысяч знаков каждого языка). Метафорический образ понятийной области «Природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе основывается преимущественно на понятийных сферах «Живое существо» и «Война». Согласно проведенному исследованию, метафорический образ понятийной области «Природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе реализуется в двух метафорических моделях – «Природная катастрофа – живое существо» и «Природная катастрофа – война». Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо» реализуется в подмоделях «Действия природной катастрофы – физиологические состояния и действия живого существа», «Движение природной катастрофы – движение живого существа», «Звуки природной катастрофы – звуки, издаваемые живым существом», а также характерная только для китайскоязычного экологического дискурса подмодель «Действия природной катастрофы – созидательные действия человека». Метафорическая модель «Природная катастрофа – война» реализуется в подмоделях «Действия природной катастрофы – военные действия» и «Последствия природной катастрофы – последствия войны». Человеческое сознание антропоцентрично, человек строит свое понимание окружающей действительности через восприятие себя. Поэтому, говоря о природной катастрофе, в сознании человека появляется образ живого существа и войны.

В процентном соотношении в русскоязычном экологическом дискурсе метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо» составляет 45% от общего числа номинаций данного языка, а метафорическая модель «Природная катастрофа – война» - 55%. В китайскоязычном экологическом дискурсе метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо» составляет 54% от общего числа номинации данного языка, а модель

«Природная катастрофа - война» - 46%. Отсюда следует вывод, что в русскоязычном экологическом дискурсе основной метафорической моделью является «Природная катастрофа – война», а в китайскоязычном экологическом дискурсе – «Природная катастрофа и живое существо». Результаты можно увидеть в диаграмме 1, 2.

Диаграмма 1. Метафорические модели, репрезентирующие понятийную область «Природная катастрофа» в русскоязычном экологическом дискурсе.

Диаграмма 2. Метафорические модели, репрезентирующие понятийную область «Природная катастрофа» в китайскоязычном экологическом дискурсе.

Образ войны ассоциируется с борьбой, ущербом, жертвами, в сознании русских людей война занимает одно из главных мест, военное прошлое наших предков прочно укрепилось в сознании народа. Метафоры войны пронизывают мышление человека. Распространенность военной метафоры говорит о милитаризации сознания общества. Природные катастрофы известны своей разрушительной силой, они приводят к жертвам, наносят ущерб, природные катастрофы предстают в образе беспощадного и жестокого врага. Поэтому метафорическая модель «Природная катастрофа - война» в русскоязычном экологическом дискурсе является наиболее продуктивной.

Преобладание метафорической модели «Природная катастрофа – живое существо» в китайскоязычном экологическом дискурсе связано с тем, что животные для китайского народа – это неотъемлемая часть жизни, китайская культура тесно связана с образами животных, существует несколько священных животных, которых почитают и ассоциируют события жизни с их цветом, формой, поведением, движениями.

Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо» реализуется в ряде подмоделей, но существуют различия в подмоделях русскоязычного и китайскоязычного экологического дискурса. Для русскоязычного экологического дискурса характерны следующие подмодели: «Действия природной катастрофы – физиологические состояния и действия живого существа» (47%), «Движение природной катастрофы в пространстве – движение живого существа» (47%) и «Звуки природной катастрофы – звуки, издаваемые живым существом» (6%). Для китайскоязычного экологического дискурса характерными являются те же подмодели: «Действия природной катастрофы – физиологические состояния и действия живого существа» (43%), «Движение природной катастрофы в пространстве – движение живого существа» (36%) и «Звуки природной катастрофы – звуки, издаваемые живым существом» (7%). Примечательным является, что в китайскоязычном экологическом дискурсе добавляется еще одна подмодель: «Действия природной катастрофы – созидательные действия человека», которая составляет 14%. В китайскоязычном экологическом дискурсе у природной катастрофы возникает положительный образ, природная катастрофа не только разрушает, но и спасает, созидает. Результаты в диаграмме 3,4.

Диаграмма 3. Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо» в русскоязычном экологическом дискурсе.

Диаграмма 4. Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо» в китайскоязычном экологическом дискурсе.

Таким образом, в данной модели наиболее распространенной метафорой является персонификация, когда неживое существо наделяется свойствами и

качествами, характерными для человека. Человек моделирует окружающую его действительность по аналогии с физиологическими проблемами, состоянием, движением человеческого организма.

Метафорическая модель «Природная катастрофа – война» реализуется в подмоделях «Действия природной катастрофы – военные действия» и «Последствия природных катастроф – последствия военных действий», что является общим для экологического дискурса двух языков. В русскоязычном экологическом дискурсе подмодель «Действия природной катастрофы – военные действия» составляет 70%, а подмодель «Последствия природных катастроф – последствия военных действий» – 30%. В китайскоязычном экологическом дискурсе данные подмодели составляют 58% и 42% соответственно. Результаты можно увидеть в диаграмме 5,6.

Диаграмма 5. Метафорическая модель «Природная катастрофа – война» в русскоязычном экологическом дискурсе.

Диаграмма 6. Метафорическая модель «Природная катастрофа – война» в китайскоязычном экологическом дискурсе.

Что касается количественного отношения метафорических единиц, то русскоязычный экологический дискурс богаче метафорами, описывающими природные катастрофы, по сравнению с китайскоязычным экологическим дискурсом. Было исследовано по 20 статей каждого из языков, в русскоязычном экологическом дискурсе выявлено 75 метафорических единиц, а в китайскоязычном – 52.

Итак, в русскоязычном экологическом дискурсе преобладающей метафорической моделью является модель «Природная катастрофа - война», в то время, как в китайскоязычном экологическом дискурсе – «Природная катастрофа – живое существо». Специфичным для китайскоязычного экологического дискурса является то, что природная катастрофа встречается с положительным, созидательным значением. Также выявлено, что количество метафорических номинаций в русскоязычном экологическом дискурсе больше, чем в китайскоязычном.

Таким образом, в целом экологические дискурсы рассматриваемых языков имеют общие черты: метафорические единицы реализуются в одних и

тех же метафорических моделях и подмоделях, в обоих языках природная катастрофа сопоставляется с живым существом и войной, в экологических дискурсах обоих языков стихийные бедствия равноправны с действиями человека, наносят ему вред. Однако в русскоязычном экологическом дискурсе наиболее продуктивной метафорической моделью является модель «Природная катастрофа - война», а в китайскоязычном экологической дискурсе – «Природная катастрофа – живое существо».

Выводы по второй главе

Во второй главе были изложены практические аспекты исследования.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о существовании метафорического фрагмента, моделирующего понятийную область «Природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

На основании соотнесения сфер-источников были выявлены две метафорические модели, репрезентирующие понятийную область «Природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе: «Природная катастрофа – живое существо», «Природная катастрофа – война».

Наиболее продуктивной метафорической моделью в русскоязычном экологическом дискурсе является модель «Природная катастрофа – война», которая составляет 54%, в китайскоязычном – «Природная катастрофа – живое существо», также составляющая 54%.

Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо» реализуется в ряде общих для экологического дискурса обоих языков подмоделей: «Действия природной катастрофы – физиологические состояния и действия живого существа», «Движение природной катастрофы в пространстве – движение живого существа» и «Звуки природной катастрофы – звуки, издаваемые живым существом». Специфичной для китайскоязычного экологического дискурса является подмодель «Действия природной катастрофы – созидательные действия человека».

Метафорическая модель «Природная катастрофа – война» реализуется в подмоделях, характерных как для русскоязычного, так и для китайскоязычного экологического дискурса: «Действия природной катастрофы – военные действия», «Последствия природной катастрофы – последствия войны».

Заключение

Внимание современной лингвистики к способам вербализации информации приводит к появлению исследований различных типов дискурса. Так как экология и защита окружающей среды становятся в наше время всё более значимой составляющей жизни современного мирового сообщества и экологическая проблематика так или иначе проникает в коммуникативную деятельность социума и оказывает влияние на его дискурсивное пространство, что находит отражение в языке. Язык тесно связан с мышлением, поэтому образ природы, природных катастроф репрезентирован в том числе и концептуальными метафорами, отражающими восприятие человеком окружающего мира.

Метафора — носитель культурологической информации, орудие и инструмент культуры. Она формирует личность человека через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям, т.е. через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения.

На сегодняшний день существует несколько подходов к изучению метафоры, отражающие развитие гуманитарной науки, которые были рассмотрены в данной дипломной работе.

Первый рассмотренный подход – структурно-семантический, согласно которому метафора определяется как единица языка-системы, которая обладает четкой организацией и имеет определенные типы связей между единицами.

Второй подход – когнитивный, согласно когнитивному подходу метафора трактуется как явление, принадлежащее как языку, так и мышлению человека. Метафора рассматривается как ментальная операция, как способ оценки, объяснения и познания мира.

В рамках когнитивного подхода можно выделить лингвокогнитивный подход, который рассматривает метафору как способ непрямого отражения мира в сознании, выраженный в языке в системах образных номинаций,

миромоделирующий потенциал метафоры раскрывается в соотнесении концептуальных сфер в системе прямых и переносных значений лексем.

При когнитивно-дискурсивном подходе идет стремление определить способы моделирования реальности, характерные для того или иного типа дискурса. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода было изучено понятие дискурса, его типология; определены границы экологического дискурса.

Дискурс понимается как коммуникативный акт, его результат – это устное или письменное речевое произведение. Экологический дискурс трактуется как множество устных или письменных текстов различных функциональных стилей и жанров, обусловленных ситуацией общения на экологические темы, ключевым концептом и темой экологического дискурса является природа и состояние окружающей среды.

Целью данной дипломной работы было выявить метафорические модели, используемые для обозначения понятийной области «Природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе.

Материалом служат метафорические номинации (75 номинаций на русском языке и 52 номинации на китайском языке), отобранные приемом сплошной выборки из научных и научно-публицистических статей экологических журналов на русском и китайском языке в равном объеме. Количественное превалирование метафорических номинаций, выявленных в русскоязычном экологическом дискурсе, позволяет сделать вывод, что в русском языке чаще используются образные высказывания.

В процессе исследования были выделены основные метафорические модели, репрезентирующие понятийную область «Природная катастрофа», а также проведен сравнительно-сопоставительный анализ выделенных моделей.

Метафорический образ понятийной области «Природная катастрофа» в русскоязычном и китайскоязычном экологическом дискурсе реализуется в двух метафорических моделях – «Природная катастрофа – живое существо» и «Природная катастрофа – война». Все действия природы человек меряет с

собой, со своими действиями, в большинстве метафор встречается такое явление, как наделение неживого существа признаками живого.

Доминирующей моделью в русскоязычном экологическом дискурсе является модель «Природная катастрофа – война». Доминирование военной метафоры может объясняться милитаризацией общественного сознания, памятью о двух наиболее разрушительных войнах, которые проходили на территории России в XX веке: Первая и Вторая Мировые войны.

Продуктивной моделью в китайскоязычном экологическом дискурсе является метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо», что объясняется антропоцентризмом человеческого сознания. Человек познает природу через собственное видение, отождествляя с природой сначала себя, а потом по аналогии находя сходства со всеми живыми существами в целом.

Метафорическая модель «Природная катастрофа – живое существо» реализуется в трех подмоделях. Подмодель «Действия природной катастрофы – физиологические состояния и действия живого существа», в которой уподобление катастрофических природных явлений физиологическим процессам живого существа основывается на аналогии действия, актуализируются признаки жизнедеятельности, свойственные живому организму. Подмодель «Движение природной катастрофы – движение живого существа», перемещение катастрофических явлений метафорически интерпретируется через образ движения живого существа в пространстве. Осмысление и описание природной катастрофы происходит по аналогии с действиями живого существа. Подмодель «Звуки природной катастрофы – звуки, издаваемые живым существом», в рамках подмодели звуки, порождающиеся природными явлениями, уподобляются звукам, издающим живыми существами. Метафорическое моделирование базируется на уподоблении звуков, издаваемых живым существом при ощущении боли, мучения, звукам, возникающим во время землетрясения и других природных катастроф. Подмодель «Действия природной катастрофы – созидательные действия человека» характерна только для китайскоязычного экологического

дискурса. Природные катастрофы характеризуются с положительной стороны, они существуют не только чтобы разрушать, но и чтобы созидать, образ природной катастрофы рассматривается как спаситель и создатель.

Метафорическая модель «Природная катастрофа – война» реализуется в подмоделях «Действия природной катастрофы – военные действия» и «Последствия природной катастрофы – последствия войны», что характерно для экологического дискурса обоих языков. В подмодели «Действия природной катастрофы – военные действия» природная катастрофа сравнивается с нападением врага, врага, который беспощаден, силен и жесток, который не знает преград в достижении своих целей. Метафорическое моделирование подмодели «Последствия природной катастрофы – последствия войны» строится на уподоблении разрушительного воздействия катастрофического природного явления последствиям военных действий.

Наше исследование проведено на материале современного экологического дискурса, но было бы также интересно более подробно рассмотреть метафоры, характерные для других исторических периодов, чтобы проследить эволюцию системы экологических метафор в связи с изменением экологической ситуации в мире. Более детальное изучение метафорического представления природы и природных катастроф в выделенных разновидностях экологического дискурса, сравнение метафорических образов природы, создаваемых разными языками и культурами, а также изучение исторического изменения метафорического моделирования окружающего мира представляются нам актуальными и перспективными как для дальнейшего развития теории концептуальной метафоры, так и для исследования метафорического образа природы в экологическом дискурсе.

Список публикаций

1. Каменева А.С. Метафорические модели, репрезентирующие природные катастрофы в китайском экологическом дискурсе / А.С. Каменева // И 68 Иностраный язык и межкультурная коммуникация. Материалы X Международной студенческой научно-практической конференции, посвященной 85-летию факультета иностранных языков. – 2016. – С. 19-22.
2. Каменева А.С., Комиссарова О.В. Метафорические модели, репрезентирующие природные катастрофы в русском экологическом дискурсе / А.С. Каменева, О.В. Комиссарова // Молодой ученый. – 2016. - № 8 (112). – С. 1128 – 1130.

Список использованных источников

1. Аристотель. Риторика. [Текст] / Аристотель // Аристотель и античная литература. – М.: Наука, 1978. – С. 164-229.
2. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? – Томск: Изд-во Том.Ун-та, 2010. – 282 с.
3. Алешина О. Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук / О.Н. Алешина. – Новосибирск, 2003. – 367 с.
4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 - 2000). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
5. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / отв.ред. В.Н.Телия – М.: Наука, 1988. – 278 с.
6. Складывшая Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб : Наука, 1993. – 151 с.
7. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988б. – С.173-204.
8. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 147- 173.
9. Левин Ю.И. Структура русской метафоры // Учен. зап. Тартуского ун-та, 1965. - Вып. 181. - Кн. 2. – С. 457 - 464.
10. Москвин В. П. Русская метафора: параметры классификации //Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 66–74.
11. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А.Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
12. Будаев А.В. «Могут ли метафоры убивать?»: прагматический аспект политической метафоры // Политическая лингвистика. - Вып. 20. - Екатеринбург, 2006. – С. 67-74.

13. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – М., Наука. – 2003. - №2. – С. 73 – 95.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия / сост. В.М Сергеева и П.Б. Паршина. – М.: Прогресс, 1987. – 450 с.
15. Керимов Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 2005. – 18 с.
16. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 26–43.
17. Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Часть 1. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – 210 с.
18. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов, М.: ЧеРо, 2003. — 349 с. — Издание 2-е, исправленное и дополненное
19. Апресян В.Ю, Апресян Ю.Д. 1993 – Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в лексикографическом толковании эмоций // Вопр. Языкознания. 1993. – С. 27 – 35.
20. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
21. Макаров М.Л. Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса: Дис. ...д-ра филол.наук. Тверь, 1977. – 443 с.
22. Дейк Т.А.Ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста// Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. – 259 с.

23. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1988. – С. 136 – 137.
24. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного //Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М.Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв.ред. Т.Н.Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34-55.
25. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста [Текст] / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. – 598 с.
26. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
27. Иванова Е.В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук. / Е.В. Иванова. – Челябинск, 2007. – 219 с.
28. Бергман, С. Дух, освобождающий природу [Электронный ресурс] / С. Бергман. – URL: <http://www.agnuz.info>.
29. Новейший философский словарь [Текст] / А.А.Грицанов. – 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
30. Haugen, Einar. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen [Text] / E. Haugen. – Standford: Standford University Press, 1972. – 584 p.
31. Fill, Alwin. Wörter zu Pflugscharen. Versuch einer Ökologie der Sprache [Text] / A. Fill. – Wien, Köln: Böhlau, 1987. 154. Fill, Alwin. Ökologielinguistik. Eine Einführung [Text] / A. Fill. – Tübingen: Narr, 1993.
32. Нечипоренко, В.Ф. Биолингвистика в её становлении (Биолингвистические основы системы памяти, мышления, языка и речи) [Текст] / В.Ф. Нечипоренко. – М.: МГПИ, 1984. – 124 с.
33. Миронова, Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа [Текст] / Н. Н. Миронова // Известия АН. Серия литературы и языка. – М., 1997. – Т.56. - № 4. – С.52-59.

34. Гурочкина, А.Г. Понятие дискурса в современном языкознании [Текст] // А.Г. Гурочкина // Номинация и дискурс: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Л.А. Манерко. – Рязань: Изд-во РГПУ, 1999. – С.12-15
35. Карасик, В.И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000а. – С. 5-20.
36. Желтухина, М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ [Текст] : Монография / М.Р. Желтухина. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
37. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Электронный ресурс] / А.П. Чудинов. – URL: <http://www.philology.ru>
38. Большой толковый словарь русского языка./Сост. и гл.ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с. (с. 572) (с.363)
39. Складская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004
40. Lakoff, G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. In: Pütz M.: *Thirty Years of Linguistic Evolution: Studies in Honour of René Dirven on the Occasion of his Sixtieth Birthday*. Philadelphia, Amsterdam: 1992, 463-481.
41. Экология и жизнь [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ecolife.ru/>
42. Защита окружающей среды / профессиональная ассоциация [Электронный ресурс] – URL: www.pacechina.net/
43. Министерство защиты окружающей среды [Электронный ресурс] – URL: english.mep.gov.cn/
44. Экологический аудит [Электронный ресурс] – URL: www.environmental-auditing.org.cn/english/EN/EN.htm
45. Великие катастрофы в истории Земли [Электронный ресурс] – URL: http://www.ligis.ru/librari_2/046/t06.htm

46. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990 (Большой энциклопедический словарь: Языкознание (БЭС) / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998).
47. Малый академический словарь / Ред.: А. П. Евгеньева, М., 1957—1960 (АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.)
48. 生态学杂志 (Chinese Journal of Ecology) [Электронный ресурс] – URL: <http://www.cje.net.cn/>
49. Ministry of Water Resources [Электронный ресурс] – URL: www.mwr.gov.cn/english/
50. Data Center for Resources and Environmental Sciences [Электронный ресурс] – URL: www.resdc.cn/english/default.asp
51. Онлайн версия газеты «Жэньминь Жибао» [Электронный ресурс] – URL: <http://russian.people.com.cn/>
52. Толковый словарь китайского языка 汉语大词典 [Электронный ресурс]. – URL: <http://hd.cnki.net/kxhd/>